

НОРА РОБЕРТС

Заговор смерти

*Туго закрученный,
берущий за живое триллер.
Ридли Пирсон*

Ева Даллас

Нора Робертс
Заговор смерти

«Центрполиграф»

1999

Робертс Н.

Заговор смерти / Н. Робертс — «Центрполиграф», 1999 — (Ева Даллас)

Такого в жизни Евы Даллас еще не было! Ее отстранили от работы, отобрали полицейский жетон и табельное оружие! И все это из-за козней завистливой и злобной Эллен Бауэрс – полицейского из 162-го участка. Дело бы не зашло так далеко, если бы не страшное совпадение – сама детектив Бауэрс зверски убита, и подозрение падает на Еву. Но разве что-нибудь может остановить лейтенанта Даллас, если она вышла на тропу войны?! Ранее книга выходила под названием «Поцелуй смерти», «Предел дозволенного».

Содержание

Пролог	5
1	6
2	15
3	25
4	33
5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Нора Робертс

Заговор смерти

Каждый думает, что все люди смертны, кроме него самого.

Эдуард Янг

Давай подружмся со смертью.

Альфред Теннисон

Пролог

В моих руках власть. Власть, позволяющая исцелять и уничтожать, даровать жизнь – и смерть. Я благоговею перед собственным талантом. Благодаря ему я и смог создать свои шедевры, не менее великие и впечатляющие, чем те, что находятся в Лувре.

Да что талант?! В тех областях, которые имеют хоть какое-то значение, я – бог.

Бог должен быть безжалостным и дальновидным. Он изучает, анализирует, систематизирует свои творения. Лучшие из них следует оберегать и лелеять, а неудачные – отбрасывать без сожаления.

Мудрый бог постоянно экспериментирует, творя чудеса со всем тем, что попадает ему в руки. Порой он действует безжалостно, как судья, выносящий приговор. Но того, в чьих руках власть, не могут касаться жалкие и ничтожные законы, которым подчиняются людишки. Они слепы, их умы затуманены страхом – страхом перед болью и смертью. Они слишком ограничены, чтобы понять, что смерть можно победить.

Мне это почти удалось.

Если бы мои деяния раскрыли сейчас, люди с их нелепыми законами и предубеждениями прокляли бы меня.

Но когда мой труд завершится, они оценят мой талант, они будут поклоняться мне.

1

Есть люди, которых не страшит смерть, поскольку жизнь не была к ним милосердна. Для бездомных, нищих, физически неполноценных людей Нью-Йорк был огромной пугающей тюрьмой. Для призраков, возникающих тут и там в ночи, словно тени, наркоманов с их покрасневшими глазами и трясущимися руками жизнь представляла собой бессмысленное путешествие от одной дозы к другой, зачастую наполненное отчаянием, а иногда и ужасом.

Разумеется, в стране существовали социальные программы. В конце концов, человечество жило в просвещенном двадцать первом веке. Либеральная партия требовала создания новых приютов, образовательных и медицинских учреждений, учебных и реабилитационных центров, не предлагая при этом сколько-нибудь реальных планов осуществления и развития таких программ. Консервативная партия тем временем урезала бюджеты уже имеющихся программ, а потом напыщенно заявляла о необходимости повышения жизненного уровня и укрепления семьи.

Конечно, тот, кто был способен переваривать скудную диету благотворительности, мог существовать и в тюрьме, а программы обучения и помощи предлагались людям, способным оставаться в здравом уме, петляя по бесконечным милям бюрократических коридоров. Однако эта система слишком часто душила получателя, прежде чем спасти его, и поэтому в приюты не выстраивались очереди страждущих, желающих получить место.

Дети недоедали, женщины торговали своим телом, а мужчины сбивались с ног в поисках заработка. Каким бы просвещенным ни было время, человеческие пороки и беды оставались такими же предсказуемыми, как смерть.

Спящим на тротуарах бродягам нью-йоркский январь готовил ночи, пронизанные ледяным холодом, который им лишь изредка удавалось отогнать бутылкой пива или чего-нибудь покрепче. Некоторые не выдерживали и отправлялись в приют храпеть на казенных койках или есть жидкий суп и безвкусные соевые булки, подаваемые расторопными студентами-социологами. Но другие держались до последнего, слишком безразличные или слишком упрямые, чтобы пожертвовать своим кусочком тротуара.

В эти страшные ночи многие пересекали зыбкую грань между жизнью и смертью.

Город убивал их, но никто не называл это убийством.

* * *

Морозным утром лейтенант Ева Даллас ехала в центр города. Ее пальцы беспокойно барабанили по рулевому колесу. Обычная смерть бездомного на Бауэри вроде бы не являлась ее проблемой. Это было задачей отдела, сотрудников которого часто называли «трупоиискателями». Они патрулировали районы скопления бездомных бродяг, отделяя живых от мертвых и доставляя тела в морг для опознания и уничтожения.

Эту скверную работенку обычно исполняли и те, кто все еще питал надежду поступить в элитарный отдел расследования убийств, и те, кто уже в подобные чудеса не верил. Сотрудников же «убойного» отдела вызывали лишь в тех случаях, когда смерть выглядела явно подозрительной или насильственной.

Если бы в это злосчастное утро не была ее очередь для подобных вызовов, Ева могла бы все еще нежиться в теплой постели с любимым мужем.

– Возможно, какой-то наивный новичок рассчитывает, что нарвался на серийного убийцу, – пробормотала она себе под нос.

Сидящая рядом с ней Пибоди широко зевнула.

– Мне кажется, я только зря занимаю место в машине. – Из-под прямой темной челки она метнула на Еву полный надежды взгляд. – Вы могли бы высадить меня у ближайшей остановки, и я через десять минут была бы дома в постели.

– Если я страдаю, то страдай и ты.

– Спасибо на добром слове, Даллас!

Ева усмехнулась. Вряд ли можно было найти кого-нибудь надежнее ее помощницы. Несмотря на ранний вызов, зимняя униформа Пибоди была безупречно выглажена, а пуговицы и черные полицейские ботинки начищены до блеска. Глаза на широкоскулом лице, обрамленном коротко стриженными черными волосами, возможно, были немного сонными, но Ева не сомневалась, что они ничего не упустят.

– Вчера вечером у вас, кажется, было грандиозное мероприятие? – заметила Пибоди.

– Да, в Вашингтоне. Рорк устроил прием с танцами для какой-то благотворительной организации по спасению кротов или чего-то в этом роде. Еды было достаточно, чтобы накормить всех бродяг на Лоуэр-Ист-Сайд.

– Да, круто. Держу пари, вам пришлось разодеться в пух и прах, лететь на личном самолете Рорка и накачиваться шампанским.

Ева и бровью не повела в ответ на суховатый тон Пибоди. Обе знали, что внешняя, эффектная сторона жизни Евы, возникшая с тех пор, как в ее жизнь вошел Рорк, несколько ее не занимала и скорее раздражала.

– Да, все так и было. А еще мне пришлось много раз танцевать с Рорком.

– На нем был смокинг? – Пибоди как-то видела Рорка в смокинге, и этот образ навсегда запечатлелся в ее сознании.

– Разумеется. – Ева вспомнила, с каким нетерпением она стащила смокинг с Рорка, когда они вернулись домой. Без смокинга он выглядел ничуть не хуже.

– Вот это мужчина! – Пибоди закрыла глаза, используя методику воссоздания зрительного образа, которой овладела в детском возрасте.

– Наверное, многие женщины сдохли бы от злости, если бы мужа стали объектом романтических фантазий их же помощниц.

– Но вы выше этого, лейтенант! Это мне в вас и нравится.

Ева фыркнула, расправив затекшие плечи. Она сама виновата, что прошлой ночью поддалась страсти и проспала всего три часа. А теперь ничего не поделаешь – долг превыше всего.

Ева смотрела на старые здания и замусоренные улицы. Бетон и сталь казались обезображенными многочисленными шрамами, бородавками и опухолями. Сквозь канализационные решетки вырывался пар, свидетельствуя о некоем подобии жизни, протекающей под землей. Ехать сквозь него было все равно что пробираться через туман, клубящийся над грязной рекой.

После того как Ева вышла замуж за Рорка, она жила словно в ином мире, среди полированного дерева, сверкающего хрусталя, запаха свечей и оранжерейных цветов – аромата богатства. Но Ева не забывала, что пришла в этот мир из таких же мест, как то, где находилась сейчас. Она знала, что такие кварталы в разных городах походят друг на друга особой атмосферой безнадежности, пронизывающей жизнь всех обитателей.

Улицы были почти пустыми – немногие здесь рисковали выходить из домов так рано. Наркодилеры и проститутки, окончив ночную работу, заползли в свои норы до восхода солнца. Торговцы, которым хватало смелости содержать здесь магазины и лавки, еще не раскодировали запоры на дверях и окнах. Продавцам, отважившимся торговать вразнос с передвижных лотков, приходилось вооружаться и работать парами.

При виде черно-белой патрульной машины Ева нахмурилась:

– Почему, черт возьми, они до сих пор возятся с сенсорами? Поднять меня с постели в пять утра и все еще не обеспечить охрану места происшествия! Неудивительно, что эти идиоты не дослужились ни до чего выше «трудоискателей»!

Пибоди ничего не ответила. «Идиотов», – не без сочувствия подумала она, – ожидает знатная головомойка. Не хотела бы я оказаться на их месте».

К тому времени, когда Пибоди вышла из машины, Ева уже пересекала тротуар, решительным шагом направляясь к двум ежившимся на ветру фигурам в форме. Заметив ее, полицейские сразу расправили плечи. «Лейтенант умеет произвести впечатление на других копов, – подумала Пибоди, вынимая из машины чемоданчик со снаряжением. – Она сразу привлекает к себе внимание».

Дело было не в ее высокой стройной фигуре и, уж конечно, не в вечно спутанных каштановых волосах. Причина скорее заключалась в глазах цвета доброго ирландского виски – глазах истинного копа – и в неожиданно жесткой складке полных губ.

Лицо Евы, считала Пибоди, было выразительным от природы – Ева никогда не пользовалась косметикой.

Даллас была лучшим копом из всех, которых знала Пибоди. Такие без колебаний пойдут на любой риск и будут стоять до конца. «И такие пнут любой зад, который этого заслуживает», – подумала Пибоди, подойдя достаточно близко, чтобы услышать окончание суровой лекции Евы.

– Подведем итоги, – холодно продолжала Ева. – Если вы вызываете людей из отдела убийств и вытаскиваете меня из постели, то должны как следует организовать охрану места происшествия и подготовить рапорт к моему прибытию, а не стоять здесь открыв рот как пара слабоумных. Вы ведь копы, черт возьми! Так и ведите себя соответственно.

– Да, сэр... лейтенант, – дрожащим голосом отозвался младший из двух полицейских.

Он казался совсем мальчишкой, и только по этой причине Ева удержалась от дальнейших упреков. Она устремила ледяной взгляд на его коллегу, которая явно была отнюдь не новичком.

– Да, сэр, – сквозь зубы процедила женщина. В ее голосе звучало нескрываемое возмущение.

– Какие-нибудь проблемы, полицейский Бауэрс? – осведомилась Ева.

– Нет, сэр.

Светло-голубые глаза Бауэрс выделялись на смуглом лице, темные волосы выбивались из-под форменной фуражки. На куртке не хватало пуговицы, а ботинки были стоптанными и нечищеными. Ева могла сделать ей замечание, но решила, что тяжелая и грязная работа, которой занимается эта женщина, хоть в малой степени оправдывает ее неопрятный вид.

– Отлично, – кивнула Ева.

Она взглянула на второго полицейского, и ее строгий взгляд несколько смягчился. Лицо его было белым как бумага, он дрожал с головы до ног, и весь его облик наглядно свидетельствовал о недавнем окончании академии.

– Полицейский Трухарт, моя помощница покажет вам, как следует обеспечивать охрану места происшествия. Отнеситесь к этому с должным вниманием.

– Да, сэр.

– Пибоди! – бросила Ева через плечо, и в тот же миг у нее в руке очутился чемоданчик со снаряжением. – Покажите, что вы обнаружили, Бауэрс.

– Бездомного белого мужчину. Известен под прозвищем Снукс. Вот его лачуга.

Она указала на довольно изобретательно оборудованное убежище, состоящее из упаковочного короба, разрисованного цветами и звездами, и увенчанное мятой крышкой из-под ящика для переработки отходов. Вход прикрывало побитое молью одеяло, над которым красовалась самодельная вывеска с лаконичной надписью «Снукс».

– Он внутри?

– Да. В наши обязанности входит заглядывать в такие вот жилища в поисках мертвецов. Мертвее этого не бывает.

Ева поняла, что последняя фраза претендует на юмор.

– Еще бы! Ну и запашок, – пробормотала она, подойдя ближе. Даже ветер не мог рассеять зловоние.

– Это меня и насторожило. От таких людей всегда воняет потом, грязной одеждой, мусором и кое-чем похуже, но у этого трупа другой запах.

Ева шагнула ближе. Сквозь миазмы мочи и грязного тела она ощущала сладковатый тошнотворный запах смерти с явным металлическим привкусом крови. Но ничего особенного, на ее взгляд, в этом запахе не было.

– Кто-то пырнул его ножом? – спросила Ева. С трудом удержавшись от тоскливого вздоха, она открыла чемоданчик. – За каким чертом? У этих бедолаг нечего красть.

Впервые губы Бауэрс скривились в усмешке, но взгляд оставался холодным и неприветливым.

– Тем не менее кто-то что-то у него украл.

Довольная собой, она отступила назад, искренне надеясь, что крутого лейтенанта потрясет зрелище за потрепанным одеялом.

– Вы вызвали патологоанатома? – спросила Ева, обработав руки и ботинки обеззараживающим составом.

– Я решила предоставить это отделу убийств, – чопорно отозвалась Бауэрс. В ее глазах все еще поблескивали искорки злости.

– В конце концов, мертв он или нет? – Ева с отвращением отодвинула одеяло и, наклонившись, вошла в лачугу.

Зрелище смерти всегда вызывало у нее потрясение, хотя и не такое сильное, на какое рассчитывала Бауэрс. Еву всегда потрясало то, что одно человеческое существо способно было сотворить с другим. Кроме того, она всякий раз ощущала самую обыкновенную жалость к жертвам – чувство, которое стоящая рядом с ней женщина вряд ли когда испытывала и потому не могла понять.

– Бедняга, – тихо произнесла Ева и присела на корточки для визуального осмотра.

Бауэрс оказалась права в одном – представить себе кого-либо мертвее Снукса было невозможно. Тело было похоже на мешок с костями, волосы были всклокочены, глаза и рот широко открыты, причем во рту оставалось не более половины зубов. Такие люди, как Снукс, редко прибегали к помощи стоматологов, впрочем, как и других врачей.

Тусклые светло-карие глаза уже покрылись пленкой. Мертвец казался глубоким стариком, и, даже если бы его жизнь не оборвало убийство, ему вряд ли удалось бы протянуть еще несколько лет, которые могли бы обеспечить достойное питание и врачебный уход.

Ева заметила, что его ботинки, хотя и покрытые трещинами и царапинами, не слишком износились. Одеяло, лежащее сбоку, тоже было не старым. В этой импровизированной комнате имелись даже кое-какие безделушки – голова куклы с широко открытыми глазами, фонарик в форме лягушки, треснутая чашка с вырезанными из бумаги цветами в ней. Стены были обклеены бумажными фигурками – деревьями, собаками, ангелами, такие же цветы и звезды, как те, что украшали снаружи стены этого убогого жилища.

Ева не нашла никаких признаков борьбы, свежих ушибов или поверхностных ран на теле. Однако в груди несчастного зияла дыра размером с кулак. Тот, кто прикончил старика, действовал с аккуратностью хирурга. «Скорее всего, – предположила Ева, – убийца Снукса извлек у него сердце, воспользовавшись скальпелем».

– Вы правы, Бауэрс. Это убийство.

Ева выбралась наружу, опустив за собой одеяло. При виде самодовольной усмешки на лице Бауэрс она стиснула кулаки, чувствуя, как кровь начинает стучать в ее висках.

– О'кей, Бауэрс, мы не нравимся друг другу, и тут ничего не поделаешь. Но вы не должны забывать, что у меня куда больше возможностей превратить в ад вашу жизнь, чем у вас – мою. Поэтому будьте благоразумны, сотрите эту гребаную ухмылку с физиономии и уйдите с дороги.

Усмешка исчезла, но взгляд Бауэрс оставался враждебным.

– Устав отдела запрещает офицеру использовать бранные выражения в разговоре с подчиненными.

– В самом деле? Ну, можете упомянуть это в вашем рапорте, который должен быть завтра утром на моем столе. В трех экземплярах. Прочь с дороги!

Несколько секунд они сверлили друг друга глазами, потом Бауэрс опустила взгляд и шагнула в сторону.

Ева повернулась к ней спиной и достала сотовый телефон:

– Говорит лейтенант Ева Даллас. У меня убийство.

* * *

«Зачем кому-то понадобилось его наверняка порядком изношенное сердце?» – думала Ева, возвращаясь в лачугу, чтобы обследовать труп. Она знала, конечно, что краденые органы являются ценным товаром на черном рынке и очень часто торговцам не хватает терпения дожидаться смерти донора. Но в последнее время широкое распространение получили искусственные органы, хотя они еще не достигли полного совершенства. Зато они были сравнительно недороги и потому доступны. Ева давно уже не слышала о подобных преступлениях.

Разумеется, некоторым богачам была не по душе мысль об имплантации искусственного органа. За человеческое сердце или почку, изъятые у здоровой молодой жертвы несчастного случая, они готовы были выложить крупную сумму, но органы должны были находиться в идеальном состоянии. В Снуксе же не было ничего идеального.

Брезгливо поморщившись, Ева склонилась над трупом. Если женщина ненавидит больницы и всякие центры здоровья, даже слабый запах антисептика раздражающе действует на ее нервы.

Уловив следы этого запаха, Ева нахмурилась и присела на корточки. Только теперь ей наконец стало ясно, что имела в виду Бауэрс.

Предварительное обследование показывало, учитывая ночную температуру воздуха, что жертва умерла приблизительно в два часа ночи. Чтобы узнать о наличии в организме наркотиков, требовался анализ крови и рапорт из токсикологической лаборатории, но Ева уже поняла, что убитый был завзятым потребителем пива – почти пустая канистра из-под этого божественного напитка стояла в углу. Ева также обнаружила небольшой запас наркотиков – скрученную вручную тонкую сигарету с «Зонером», пару розовых капсул, по-видимому, содержащих «Джегс», и грязный пакетик с белым порошком, который она определила по запаху как смесь «Грина» с «Зевсом».

Мятое лицо Снукса покрывали паутинки лопнувших сосудов, красноречиво свидетельствующие о недоедании, и отталкивающего вида стружья – вероятно, последствия какого-то кожного заболевания. Этот человек, несомненно, курил, пил, питался отбросами и запросто мог умереть во сне.

Зачем же было его убивать?

– Лейтенант, – раздался за ее спиной голос Пибоди, – прибыл патологоанатом.

– Зачем понадобилось извлекать сердце хирургическим способом? – пробормотала Ева, не оборачиваясь. – Если это обычное убийство, почему его просто не забили до смерти? Если беднягу хотели изувечить, то к чему проводить операцию по всем правилам медицины?

Пибоди посмотрела на труп и скорчила гримасу:

– Я никогда не видела операций на сердце, но верю вам на слово.

– Взгляни на рану, – раздраженно продолжала Ева. – Он должен был истечь кровью, верно? В груди дыра размером с кулак. Но ему профессионально, как на операционном столе, зажали сосуды. Убийца не хотел оставлять кровавое месиво; судя по всему, он серьезно отнесся

к своей работе, – добавила она и, выбравшись наружу, жадно вдохнула более или менее свежего воздуха. – У него явно имеется опыт. И я не думаю, что такое можно осуществить в одиночку. Ты послала «трупоищателей» на поиски свидетелей?

– Да. – Пибоди окинула взглядом пустынную улицу, разбитые окна, скопление каких-то непонятных ящиков в проходе на другой стороне. – Надеюсь, им повезет.

– Лейтенант, – послышался мужской голос.

– Моррис? – Ева удивленно приподняла брови, обнаружив, что ей предстоит работать с главным медицинским экспертом управления. – Не ожидала, что лучший специалист в такую рань покинет теплую постель ради какого-то бродяги.

Польщенный эксперт улыбнулся, в его глазах заплясали искорки. Зачесанные назад волосы прикрывала красная лыжная шапочка, полы длинного пальто такого же цвета трепал ветер. Моррис всегда одевался броско.

– Я оказался под рукой, а ваш объект, судя по сообщению, выглядит любопытно. Значит, у него нет сердца?

– Во всяком случае я его не обнаружила.

Он усмехнулся и направился к лачуге.

– Давайте-ка посмотрим.

Ева поежилась, завидуя его длинному и явно теплomu пальто. У Евы тоже было роскошное теплое пальто – подарок Рорка на Рождество, – но она не надевала его, отправляясь на работу. Незачем пачкать кровью и грязью сказочно красивый кашемир бронзового оттенка.

Снова опускаясь на корточки, Ева вспомнила, что новые перчатки остались в карманах этого пальто. Так вот почему ее руки так мерзли.

Сунув руки в карманы куртки, она наклонилась над трупом и наблюдала за действиями Морриса.

– Изящно сработано, – заметил эксперт.

– Значит, у убийцы есть опыт?

– Безусловно. – Надев очки с увеличительными стеклами, Моррис устремил взгляд на рану. – Едва ли это его первая операция. К тому же он пользовался первоклассными инструментами. Никаких самодельных скальпелей и неуклюжих распорок для ребер. Наш убийца, можно сказать, чудо-хирург. Черт меня побери, я просто завидую его рукам.

– Служители некоторых культов используют определенные части тела для своих церемоний, – задумчиво проговорила Ева. – Но они обычно увечат свои жертвы. И им нравятся пышные ритуалы с обилием публики. Здесь нет ничего подобного.

– Да, это скорее похоже на медицинскую, чем на религиозную процедуру.

– Пожалуй. – Слова Морриса подтверждали ее мысли. – А мог убийца действовать в одиночку?

– Сомневаюсь. – Моррис прикусил нижнюю губу, размышляя. – Чтобы безупречно провести подобную операцию в таких трудных условиях, он нуждался в очень опытной ассистенте.

– У вас есть какие-нибудь предположения, зачем понадобилось сердце этого старика, если не для отправления какого-то сатанистского культа?

– Никаких, – отозвался Моррис и махнул рукой, подавая ей знак отойти назад. Когда они выбрались наружу, он глубоко вздохнул. – Удивляюсь, что старик не помер от удушья в этом зловонии. Впрочем, судя по тому, что я увидел, его сердце продержалось бы недолго. Вы уже собрали отпечатки и другие материалы для идентификации?

– Все запечатано и готово для отправки в лабораторию.

– Тогда мы забираем труп.

Ева кивнула:

– Вас обуряло такое любопытство, что вы готовы присоединить его к вашей коллекции мертвецов?

– Вообще-то да. – Он улыбнулся и подал знак подчиненным. – Зря вы не надели перчатки, Даллас. Здесь чертовски холодно.

Ева только усмехнулась и, отойдя от Морриса, двинулась навстречу Бауэрс и Трухарту.

Бауэрс стиснула зубы. Она замерзла, проголодалась и была вне себя от злости, прислушиваясь к дружеской беседе Евы с главным медицинским экспертом. «Наверняка она с ним трахается», – думала Бауэрс. Она хорошо знала женщин типа Евы Даллас. Такие продвигаются по служебной лестнице лишь потому, что умеют вовремя раздвинуть ноги. Ей-то самой никогда не дожидаться повышения хотя бы потому, что она отказывается это делать.

Сердце Бауэрс бешено заколотилось, а кровь застучала в висках. Ничего, когда-нибудь она своего добьется! А эта шлюха, эта сука... Ругательства звучали эхом у нее в голове, едва не срываясь с языка. Но она сдержалась, напомнив себе о субординации.

Ненависть, которую Ева читала в светлых глазах Бауэрс, озадачивала ее. Она казалась слишком яростной, чтобы явиться результатом всего лишь заслуженного нагоняя от старшего по званию. Еве вдруг захотелось положить руку на кобуру, приготовившись к нападению, но вместо этого она сдержанно сказала:

– Докладывайте, полицейский.

– Никто ничего не видел и ничего не знает, – фыркнула Бауэрс. – С этими людьми всегда так. Забиваются в свои норы...

Хотя Ева смотрела на Бауэрс, она заметила краем глаза, что Трухарт как-то беспокойно шевельнулся. Повинуясь инстинкту, она сунула руку в карман и извлекла несколько кредиток.

– Принесите мне кофе, полицейский Бауэрс.

Ненависть во взгляде так быстро сменилась выражением оскорбленного самолюбия, что Ева с трудом удержалась от усмешки.

– Принести вам кофе?

– Совершенно верно. Я хочу кофе. – Она сунула кредитки в руку Бауэрс. – И моя помощница тоже. Вы знаете эти места. Сходите в ближайшую забегаловку и принесите кофе.

– Трухарт ниже меня по званию!

– Скажите, Пибоди, разве я обращалась к Трухарту? – любезно осведомилась Ева.

– Нет, лейтенант, к полицейскому Бауэрс. – Так как Пибоди тоже не нравилось выражение лица Бауэрс, она улыбнулась. – Я пью кофе со сливками и сахаром, а лейтенант – черный. Кажется, в соседнем квартале есть паб. Это не займет у вас много времени.

Постояв еще несколько секунд, Бауэрс повернулась на каблуках и зашагала прочь, пробормотав «сука». Слово достаточно четко прозвучало в холодном воздухе.

– Черт возьми, Пибоди, Бауэрс назвала тебя сукой.

– Думаю, она имела в виду вас, сэр.

– Вот как? – Усмешка Евы выглядела весьма свирепой. – Возможно, ты права. Выкладывайте, Трухарт.

– Сэр? – Его и без того бледное лицо побелело еще сильнее.

– Что вы думаете обо всем этом? Что вам известно?

– Я не...

Трухарт нервно оглянулся на удаляющуюся Бауэрс, и Ева поспешила заслонить от него ее фигуру. Ее взгляд был холодным и властным.

– Забудьте о ней. Сейчас вы имеете дело со мной. Докладывайте о результатах ваших поисков.

– Я... – Его кадык задвигался. – Никто из опрошенных не признается, что видел нечто подозрительное или заметил, как кто-нибудь входил в так называемое жилище жертвы или выходил оттуда в интересующее нас время.

– Ну?

– Я собирался рассказать Бауэрс, – быстро продолжал Трухарт, – но она меня сразу оборвала...

– Расскажите мне, – предложила Ева.

– Это насчет Позумента. Его логово всегда находилось на этой стороне улицы, рядом с жилищем Снукса. Правда, я дежурю только пару месяцев, но...

– Вы вчера патрулировали этот район?

– Да, сэр.

– И убежище Позумента было рядом с этой лачугой?

– Да, сэр, как всегда. А сейчас он перенес его на другую сторону, в конец прохода.

– Вы расспрашивали его?

– Нет, сэр. Мы не смогли его растолкать, а Бауэрс сказала, что с ним не стоит возиться, так как он мертвецки пьян.

Ева внимательно рассматривала молодого полицейского. Щеки Трухарта слегка порозовели от ветра и от волнения. Еве нравился острый взгляд его ясных глаз.

– Когда вы окончили академию, Трухарт?

– Три месяца назад, сэр.

– Тогда вам простительно, что вы не умеете распознавать тупицу в полицейской униформе. – Ева склонила голову набок и усмехнулась. – Но я чувствую, что вы скоро этому научитесь... Вот что, вызовите фургон и доставьте вашего приятеля Позумента в управление. Я хочу побеседовать с ним, когда он протрезвеет. Он вас знает?

– Да, сэр.

– Тогда побудьте с ним и приведите его ко мне, когда он сможет членораздельно изъясняться. Я хочу, чтобы вы присутствовали при разговоре.

– Вы хотите, чтобы я... – Глаза Трухарта расширились и заблестели. – Но я приписан к «труп...». Бауэрс – мой инструктор...

– И вам это нравится?

– Нет, сэр, – колебавшись, ответил он.

– Тогда почему бы вам не выполнить мои указания? – Ева отвернулась и направилась к своей машине. Трухарт растерянно улыбался, глядя ей вслед.

– С вашей стороны это было весьма любезно, – заметила Пибоди, когда они сидели в машине с пластиковыми стаканчиками скверного, но горячего кофе.

– Только не начинай, Пибоди!

– Но вы предоставили парню недурной шанс.

– А он предоставил нам важного свидетеля и еще одну возможность надрать задницу этой идиотке Бауэрс. – Ева усмехнулась. – Следующая возможность будет у тебя, Пибоди. Просмотри ее досье. Предпочитаю знать все о людях, которые хотят выцарапать мне глаза.

– Я займусь этим, когда мы вернемся в управление. Вам нужна отпечатанная копия?

– Да. Заодно просмотри и досье Трухарта – только для проформы.

– С удовольствием им займусь. – Пибоди изогнула брови. – Он очень симпатичный.

Ева покосилась на нее:

– По-моему, ты для него старовата.

– Я старше его не больше чем на два-три года, – оскорбленно откликнулась Пибоди. – А некоторые парни предпочитают опытных женщин.

– Я думала, ты все еще с Чарлзом.

– Мы встречаемся. – Пибоди пожала плечами, явно не желая обсуждать Чарлза с Евой. – Но мы не давали друг другу обета верности.

«Такому партнеру нелегко дать обет верности», – подумала Ева, но придержала язык. Несколько недель назад она высказала Пибоди свое мнение о ее связи с Чарлзом Монро, и это едва не положило конец их дружбе.

– И тебя это устраивает? – спросила она.

– Это устраивает нас обоих. Мы нравимся друг другу, Даллас, и неплохо проводим время вместе. И я прошу...

– Я ничего не сказала, – перебила ее Ева.

– Но подумали. А то, что вы думаете, написано у вас на лице.

Ева стиснула зубы, снова пообещав себе не возвращаться к этой теме.

– Я думаю, – спокойно произнесла она, – что нам следовало бы позавтракать, прежде чем начать возиться с бумагами.

Пибоди тотчас же расслабилась:

– Годится. Особенно если вы платите.

– Я платила в прошлый раз.

– Сомневаюсь, но могу свериться с записями. – Пибоди извлекла электронную записную книжку, и Ева рассмеялась.

2

Лучшее, что можно было сказать о пище, подаваемой в столовой Главного полицейского управления, это то, что она способна хоть как-то утолить голод. С отвращением пережевывая омлет со шпинатом, Пибоди добывала информацию при помощи портативного компьютера.

– Эллен Бауэрс, – доложила она. – Средний инициал отсутствует. Окончила Нью-йоркский филиал полицейской академии одиннадцать лет назад.

– Я тоже училась там в это время, – заметила Ева. – Выходит, она была на курс старше меня. Но я ее не помню.

– Без санкции я не могу получить сведения о ее пребывании в академии.

– Не беспокойся об этом. – Сердито нахмурившись, Ева отрезала кусок лежащего на ее тарелке картона, замаскированного под оладью. – Она служит в полиции уже одиннадцать лет и все еще подбирает жмуриков? Интересно, кого еще из начальства ей удалось разозлить?

– Последние два года служила в 162-м участке, до того провела пару лет в 47-м, а еще раньше была уличным регулировщиком. Господи, Даллас, где она только не побывала! И в Главном управлении, и в 28-м участке – они патрулируют парки, в основном пешком.

Поскольку даже озерцо сиропа, которое Ева вылила на оладью, не смогло ее смягчить, она бросила это занятие и переключилась на кофе.

– Похоже, наша приятельница никак не могла подобрать себе подходящее местечко, или же от нее старались избавиться в каждом участке.

– Для доступа к документам о переводе или продвижении по службе требуется специальное разрешение.

– Да знаю я! – Подумав, Ева покачала головой. – Неохота в этом копаться. И в любом случае мы, по-видимому, с ней уже разобрались.

– Она одинокая – ни мужа, ни детей. Ей тридцать пять, родители живут в Куинсе, у нее два брата и одна сестра. Осталось только мое личное мнение. – Пибоди отложила компьютер. – Надеюсь, мы с ней никогда больше не столкнемся. А то у меня сложилось впечатление, что она не прочь вас задеть.

– Это принесет ей только разочарование, – улыбнулась Ева. – А какие еще у тебя впечатления?

– Никаких особенно, кроме того, что она малоприятная особа. – Пибоди пожала плечами. – Хотя я бы не упускала ее из виду. По-моему, она из тех, кто наносит удар в спину.

– Едва ли мы будем часто с ней сталкиваться. – Ева перевернула тему: – Ешь, а я хочу выяснить, знает ли что-нибудь этот тип, о котором говорил Трухарт.

* * *

Ева решила воспользоваться комнатой для допросов, зная, что строго официальная обстановка часто развязывает языки. Один взгляд на Позумента дал ей понять, что многого от него ждать не приходится. Хотя он был уже способен членораздельно изъясняться благодаря изрядной дозе «отрезвителя», его костлявое тело все еще дрожало, а глаза нервно бегали по сторонам.

Пребывание в обеззараживающей камере, по-видимому, разогнало паразитов и отбило зловоние искусственным запахом цитруса.

«Наркоман, – подумала Ева, – с ассортиментом пороков, разрушивших количество его мозговых клеток».

Она принесла ему воды, зная, что большинство алкоголиков ощущают после обеззараживания сильную сухость во рту.

– Сколько тебе лет, Позумент?

– Не знаю – может быть, пятьдесят.

Ева подумала, что это, возможно, близко к истине, хотя выглядел он на все восемьдесят.

– У тебя есть другое имя?

Бродяга пожал плечами, зябко поеживаясь. На нем была серая блуза и штаны на подтяжках, почти не отличавшиеся по цвету от его кожи. Собственную его одежду забрали и уничтожили.

– Нет. Я Позумент.

– Отлично. Ты знаешь полицейского Трухарта, верно?

– Да. – Он оглянулся на Трухарта, и его помятое лицо осветила детская улыбка. – Привет! Я помню, вы однажды дали мне денег и сказали, что я могу купить себе немного супа.

Трухарт покраснел, переминаясь с ноги на ногу.

– Думаю, ты истратил их на пиво.

– А вот и нет. – Позумент перевел взгляд на Еву, и улыбка тотчас увяла. – Кто вы? Как я здесь очутился? Я ничего не сделал. Мое барахло растащат, если я не буду за ним присматривать.

– О вещах не беспокойся, Позумент. Мы о них позаботимся. Моя фамилия Даллас. – Она старалась говорить беспечным тоном, чтобы не спугнуть его. – Я просто хочу с тобой поболтать. Ты голоден?

– Я всегда голоден.

– После нашего разговора мы дадим тебе чего-нибудь горячего. Я включу диктофон, и мы во всем разберемся.

– Я ничего не сделал.

– Никто тебя ни в чем и не обвиняет. Включите диктофон, – распорядилась Ева. – Допрос свидетеля, известного под прозвищем Позумент, касающийся дела 28913-Н. Допрос ведет лейтенант Ева Даллас. Присутствуют также полицейские Делия Пибоди и... – она обернулась.

– Меня зовут Трой. – Трухарт снова покраснел.

– Трой Трухарт. – Ева посмотрела на сидящее напротив жалкое существо. – Свидетель не подозревается в каком-либо правонарушении и добровольно согласился на сотрудничество. Все понял, Позумент?

– Да. А что я понял?

Ева удержалась от вздоха, но не могла не признать, что Бауэрс скорее всего была права и толку от разговора будет мало.

– Ты здесь не потому, что что-то натворил. Я прошу тебя о помощи. Я слышала, ты прошлой ночью перенес свое жилище?

Позумент облизнул потрескавшиеся губы и отхлебнул воды.

– Нет.

– Ты ведь раньше ночевал на другой стороне улицы, рядом со Снуксом. Ты ведь знаешь Снукса, не так ли, Позумент?

– Конечно. – Его руки снова задрожали, и он расплескал воду на стол. – Он рисует картинки – хорошие картинки. Я дал ему немного «Зонера» за одну из них – с деревом. Он и цветы делать умеет.

– Я видела его цветы. Они в самом деле красивые. Он был твоим другом?

– Да. – Окруженные красными ободками глаза наполнились слезами. – Может быть. Не знаю.

– Кто-то напал на него. Ты знаешь что-нибудь об этом?

Позумент нервно пожал плечами и окинул взглядом комнату. По его щекам все еще текли слезы, но взгляд стал настороженным.

– Как я тут очутился? Мне здесь не нравится. Кто-нибудь наверняка стащит мое барахло.

– Ты видел, кто напал на Снукса?

– Могу я забрать с собой эту одежду? – Склонив голову набок, Позумент ощупывал рукав блузы.

– Да, можешь. – Прищурившись, Ева наугад осведомилась: – Почему же ты не забрал ботинки Снукса, Позумент? Он все равно умер, а ботинки у него хорошие.

– Я не мог бы ничего украсть у Снукса, – с достоинством отозвался Позумент. – Даже у мертвого. У друзей не воруют. – Он наклонился вперед с озадаченным видом. – А как это в нем проделали такую большую дырку?

– Не знаю. – Ева также наклонилась к нему, словно ведя задушевную беседу. – Меня тоже это удивляет. Может, он кого-то обидел?

– Снукс никого не обижал. Мы просто занимались своим делом – попрошайничали, если патрульных не было поблизости. Всегда ведь можно выпросить немного денег. А Снукс еще и бумажными цветами приторговывал, так что нам хватало на курево и выпивку. И за что его так продырявили?

– Ума не приложу. А ты видел ночью тех, кто это сделал?

– Ничего я не видел. Эй! – Он снова улыбнулся Трухарту: – Может, подкинете мне еще?

На суп?

Трухарт бросил взгляд на Еву. Она кивнула.

– Конечно, Позумент, перед тем как ты уйдешь. Только сначала поговори немного с лейтенантом.

– Что ж, поговорить можно. А вам ведь тоже нравился старина Снукс, верно?

– Очень нравился, – серьезно сказал Трухарт. – Он рисовал славные картинки и подарил мне бумажный цветок.

– Снукс давал их только тем, кто ему нравился, – заметил Позумент. – Вы ему нравились – он сам так говорил. А вот та, которая с вами ходит, не нравилась ни ему, ни мне. У нее злые глаза – такие, словно она вот-вот заедет тебе в рожу. – Его голова дернулась, как у куклы. – И чего это вы с ней ходите?

– Ее сейчас здесь нет, – мягко отозвался Трухарт. – А у лейтенанта глаза совсем не злые.

Позумент, надув губы, исподлобья взглянул на Еву:

– Может, и нет. Но все равно у нее глаза копа. Копы, копы, копы, всюду копы! – Он захихикал, глотнул воды и посмотрел на Пибоди.

– А мне все-таки жаль старину Снукса, – продолжал Трухарт. – Бьюсь об заклад, он бы хотел, чтобы ты рассказал лейтенанту Даллас о том, что произошло. Ему бы хотелось, чтобы об этом сообщил именно ты, потому что вы были друзьями.

Позумент неуверенно потянул себя за мочку уха:

– Вы так думаете?

– Уверен. Почему бы тебе не рассказать ей, что ты видел прошлой ночью?

– Ничего я не видел. – Позумент снова склонил голову набок, постукивая кулаками по столу. – Ну, приехали люди в шикарной черной машине – она прямо сверкала в темноте.

Ева подняла палец, подавая знак Трухарту, что снова берет инициативу на себя.

– Сколько там было человек, Позумент? – спросила она.

– Двое, в длинных черных пальто и масках с прорезями для глаз. «Эге! – подумал я. – Сегодня же не гребаный хеллоуин!» – Он засмеялся. – И у каждого было по чемоданчику.

– Как эти чемоданчики выглядели?

– Один был черный, блестящий, а другой белый, и в нем что-то хлюпало. Они направились напрямик в коробку Снукса, словно их туда пригласили. Я ничего не слышал, кроме ветра, – может, я потом заснул.

– Они тебя видели? – спросила Ева.

– Нет. Думаете, это они проделали дырку в Снуксе? – Он опять наклонился к ней; на его глаза навернулись слезы. – Если так, то я должен был попытаться их остановить или позвать патрульных. Мы ведь со Снуксом друзья...

Теперь он плакал по-настоящему. Ева положила ладонь на его руку, несмотря на покрывавшие ее струпья.

– Это не твоя вина – ты ведь не знал. Что еще ты видел?

– Ничего. – Из глаз и носа у него текло, как из крана. – Наверно, я заснул. А когда проснулся и выплянул, машины не было. Уже светало, и я решил заглянуть к Снуксу – спросить, вправду ли приезжала черная машина или это мне приснилось. Ну и увидел его в крови, с дыркой в груди. Рот и глаза были открыты. Я испугался, что они и меня продырявят, поэтому перенес свое барахло на другую сторону, а потом допил то, что осталось, и завалился спать. Ведь старине Снуксу я уже ничем помочь не мог.

– Ты помогаешь ему теперь. – Ева откинулась на спинку стула. – Давай-ка еще поговорим об этих двоих в длинных черных пальто.

* * *

Ева провозилась с Позументом еще час, осаживая его, когда он слишком отвлекался от темы. Хотя ей больше не удалось вытянуть из него никакой информации, она не считала, что потратила время зря. В конце концов, Позумента помыли и накормили да еще дали пятьдесят долларов, хотя она не сомневалась, что он потратит их на выпивку.

Ева понимала, что Позументу следовало бы находиться в психушке, хотя едва ли он застрял бы там надолго. Но она уже примирилась с тем, что спасти таких людей практически невозможно.

– Вы хорошо с ним поработали, Трухарт.

Молодой полицейский снова покраснел, и, хотя Еве была симпатична эта его особенность, она надеялась, что со временем он научится себя контролировать. В противном случае другие копы сожрут его заживо, не оставив преступникам ни кусочка.

– Благодарю вас, сэр. Спасибо, что дали мне такую возможность.

– Ведь это вы его нашли, – просто сказала Ева. – Полагаю, вы рассчитываете рано или поздно перейти куда-нибудь из отдела «трупоищателей»?

Трухарт расправил плечи:

– Я хотел бы получить значок детектива, если когда-нибудь заслужу его.

Ева прекрасно понимала, что едва ли найдется новичок, не лелеющий подобных честолюбивых замыслов.

– Считайте, что вы уже начали его зарабатывать. Я могла бы посодействовать вашему переводу – подобрать вам другой район для патрулирования и другого инструктора, – но хочу попросить вас пока остаться. У вас острые глаза, Трухарт, и я хотела бы использовать их на вашем теперешнем участке, пока мы не закроем это дело.

Молодой полицейский был настолько ошеломлен этим предложением, что у него глаза едва не вылезли из орбит.

– Конечно, лейтенант, я останусь.

– Вот и отлично. Только держитесь – Бауэрс постарается испортить вам жизнь.

Он скорчил гримасу:

– Я уже к этому привык.

Еве хотелось воспользоваться случаем и выпытать у него кое-какие подробности относительно Бауэрс, но она справилась с искушением, не желая побуждать новичка стучать на своего инструктора.

– Тогда все в порядке. Возвращайтесь в свой участок и пишите рапорт. Если наткнетесь на что-нибудь, что, по-вашему, может иметь отношение к этому делу, свяжитесь со мной или с сержантом Пибоди.

Ева направилась в свой кабинет, приказав Пибоди перенести на диск запись допроса.

– И раздобудь перечень известных наркоторговцев этого района, – добавила она. – Мы не можем полностью исключить связь с наркотиками, хотя я не представляю себе наркодилера, уничтожающего своих клиентов, удаляя им хирургическим способом жизненно важные органы. Впрочем, случались и более странные вещи, я уже ничему не удивляюсь. Кстати, сектами тоже нужно заняться.

– Я могу связаться с Исидой, – предложила Пибоди, вспоминая дело, которым они занимались некоторое время назад. – Возможно, она знает, существуют ли сатанинские культы с подобными ритуалами.

Ева кивнула и шагнула вслед за Пибоди в лифт.

– Да, свяжись с ней. Нужно проверить и эту версию.

По коридору сновали копы, здание наполняли гул голосов и топот ног. Это был привычный для Евы ритм жизни. Она посмотрела на часы, с удивлением обнаружив, что всего лишь начало десятого. День только начался, а она находилась на дежурстве уже четыре часа.

Идя рядом с Пибоди по коридору, Ева продолжала отдавать распоряжения:

– Нужно также постараться произвести точную идентификацию жертвы. У нас есть отпечатки и данные анализов. Если Моррис уже сделал вскрытие, то сможет назвать по крайней мере приблизительный возраст Снукса.

– Сейчас этим займусь.

Пибоди свернула налево, в сторону камер предварительного заключения, а Ева направилась в свой кабинет. Он был небольшим, с единственным узким окном, пропускавшим слишком мало света и слишком много шума. Зато ее любимая кофеварка работала безукоризненно.

Ева налила в кружку кофе и с удовольствием вдохнула крепкий аромат напитка. Потом она села за стол и позвонила Моррису.

– Я знаю, что он производит вскрытие, – сказала она ассистенту, заявившему, что Моррис занят. – Но у меня есть для него информация относительно последнего трупа. Так что соедините меня с ним.

Ева откинулась на спинку стула, потягивая кофе и постукивая пальцами по кружке.

Наконец в трубке раздался голос Морриса:

– Вы ведь знаете, Даллас, как я ненавижу, если меня прерывают, когда я копаюсь в чьих-то внутренностях!

– У меня есть свидетель, который видел на месте преступления двух человек. Они приехали в большом блестящем автомобиле и были хорошо одеты. Один нес черный чемоданчик, а другой – белый, в котором – я цитирую – «что-то хлюпало». Это вам о чем-то говорит?

– Кое о чем. – Ева догадалась, что Моррис нахмурился. – Ваш свидетель видел, что произошло?

– Нет, он был пьян и почти все проспал, а когда проснулся, они уже уехали. Но он заглянул в жилище убитого и обнаружил труп. Может, этот хлюпающий чемоданчик был тем, что я предполагаю?

– Да, это вполне может оказаться емкостью для изъятых органов. Работали аккуратно и профессионально, Даллас. Первокласное удаление важнейшего органа. Убитому дали солидную дозу анестезии, и он ничего не почувствовал. Но, судя по тому, что в нем осталось, его сердце не стоило почти ничего. Печень сморщена, почки тоже, легкие черны как уголь. Он

явно был не из тех, кто регулярно проходит медосмотр. Его тело – мешок болезней. Самое большее через полгода он бы умер естественной смертью.

– Значит, они изъяли негодное сердце, – пробормотала Ева. – Может быть, они рассчитывали выдать его за качественное?

– Если оно выглядело так же, как все остальное, то им не удалось бы провести даже студента-медика с первого курса.

– И все же оно им зачем-то понадобилось. Такую серьезную работу не проделывают только для того, чтобы прикончить какого-то нищего бедолагу.

В голове у нее мелькали всевозможные версии – месть, сатанинский культ, махинации на черном рынке, наконец, просто развлечение...

– Вы сказали, это была первоклассная операция. Сколько хирургов в городе способны ее провести?

– Я работаю с мертвецами, – усмехнулся Моррис. – Врачи, специализирующиеся на живых, вращаются в иных кругах. Насколько мне известно, самая фешенебельная больница в Нью-Йорке – Центр Дрейка. Я бы начал с него.

– Спасибо, Моррис. Я займусь вашим рапортом, как только получу его.

– Тогда позвольте мне вернуться к моим внутренностям. – И он положил трубку.

Ева обернулась к своему компьютеру, издававшему подозрительное жужжание, о котором она уже дважды докладывала в ремонтное бюро, и склонилась к нему с угрожающим видом:

– Ну-ка, ты, мешок с дерьмом, быстро отыщи сведения о Центре Дрейка в Нью-Йорке!

Компьютер разразился икотой, а экран осветился режущим глаза красным цветом, на фоне которого возникла надпись:

«Внутреннее повреждение. Продолжать поиски?»

– Как же я тебя ненавижу! – Ева постаралась приспособиться к неудобному освещению. – Черт с тобой, продолжай.

«Медицинский центр Дрейка находится в Нью-Йорке на Второй авеню. Назван в честь Уолтера С. Дрейка, открывшего противораковую вакцину. Это частное учреждение, которое включает больницу, поликлиники, учебные заведения и исследовательские лаборатории. Американская медицинская ассоциация относит Центр Дрейка к категории А».

Ева дала команду вывести на экран список членов правления всех отделов. Жужжание усилилось, и экран начал мерцать. Наконец на нем появилась надпись:

«Пожалуйста, повторите команду».

– Я намерена съесть на ланч эти задницы из компьютерного отдела! – прошипела Ева, но команду повторила.

Вскоре на экране появились строчки: «Правление Центра Дрейка: Колин Кэгни, Люсиль Мендес, Тиа Во, Майкл Уэйверли, Шарлотта Мира...»

– Надо же, доктор Мира, – пробормотала Ева изумленно.

Доктор Мира была одним из лучших психологов-экспертов в городе, постоянно сотрудничала с нью-йоркской полицией и службой безопасности. У Евы с ней были давние деловые и дружеские отношения.

Ева задумчиво постукивала по столу пальцами, читая имена руководящего состава Центра. Одно или два показались ей знакомыми, но это ощущение резко усилилось, когда компьютер выдал список членов научно-исследовательской секции.

«Карлотта Земуэй, Рорк...»

– Стоп! – Ева нажала на кнопку и стиснула кулаки. – Рорк? Черт возьми, неужели мой муж не в состоянии держаться в стороне хоть от чего-нибудь?!

Дав компьютеру команду распечатать список, Ева поднялась, и в этот момент на экране появилась надпись:

«Внутреннее повреждение. Невозможно выполнить команду».

Ева едва сдерживалась, чтобы не завизжать, и выскочила из кабинета.

Промчавшись мимо тесных комнаток, где сидели младшие чины, она распахнула одну из дверей:

– Пибоди, я должна ненадолго отлучиться.

– Мне пойти с вами?

– Нет, оставайся здесь и продолжай. Меня не будет не больше двух часов. Когда закончишь, найди молоток.

Пибоди оторвалась от своей электронной записной книжки и, нахмурившись, посмотрела на Еву:

– Молоток?

– Да. Большой и тяжелый. Потом пойдешь с ним в мой кабинет и разбей этот чертов компьютер на мелкие кусочки!

Будучи разумной женщиной, Пибоди откашлялась, чтобы скрыть усмешку.

– В качестве альтернативы этому приказу, лейтенант, я могла бы вызвать наших компьютерщиков.

– Отлично! Вызывай и скажи им, что при первой возможности я спущусь к ним в отдел и поубиваю всех. А потом буду пинать их трупы ногами и плясать на них с восторженными криками. И никакой суд не признает меня виновной!

Мысль о Еве, орущей и танцующей где бы то ни было, заставила Пибоди закусить губу.

– Я сообщу, что вы недовольны их работой.

– Хорошо, Пибоди. – Развернувшись, Ева двинулась к выходу.

Было бы логичнее сначала отправиться к Мире. Как врач-психиатр и криминалист, она была бы ценным источником в этом деле. Но Ева поехала к мерцающему огнями небоскребу, служившему нью-йоркской штаб-квартирой Рорка. Существовали и другие штаб-квартиры в других городах. Ева знала, что ее муж одновременно запускает свои пальцы во многие пироги, а бизнес, которым он занимается, – весьма денежный, запутанный, одно время был даже сомнительным. Она считала неизбежным тот факт, что имя Рорка может всплывать в связи со многими расследуемыми ею делами. Но это ей решительно не нравилось. Заехав в многоэтажный гараж, Ева направила свой автомобиль в специальное отделение, которое Рорк отвел для нее. Когда она впервые побывала здесь менее года тому назад, у нее еще не было такой привилегии. Тогда она оставила машину на улице, вошла в главный вестибюль с мозаичным полом, огромными вазами с цветами и мерцающими экранами и была препровождена в кабинет Рорка, дабы допросить его по очередному делу об убийстве.

Теперь же ее голос и отпечатки пальцев и ладоней были запрограммированы в системе безопасности индивидуального лифта. Компьютерный голос приветствовал Еву, назвав по имени, и сообщил, что Рорка информируют о ее визите.

Сунув руки в карманы, Ева стояла в кабине лифта и думала о том, что Рорк в данный момент, возможно, ведет сложные переговоры о покупке какого-нибудь острова среднего размера или обанкротившейся страны. Ну что ж, ему придется отложить получение очередного миллиона до того, как она получит ответы на кое-какие вопросы.

Двери с шипением раздвинулись. Ассистентка Рорка уже поджидала Еву – как всегда, безукоризненно одетая, с аккуратно причесанными снежно-белыми волосами и с вежливой улыбкой.

– Как приятно видеть вас снова, лейтенант. У Рорка сейчас встреча, и он просит вас немного подождать в его кабинете, если вы не возражаете.

– Конечно.

– Принести вам что-нибудь, пока вы ждете? – Она повела Еву через стеклянный коридор, за прозрачными стенами которого, шестьдесятю этажами ниже, расстился Нью-Йорк. – Если вы пропустили ланч, я могу передвинуть следующую встречу Рорка.

Спокойная вежливость ассистентки всегда заставляла Еву чувствовать себя неловко.

– Нет, благодарю вас, это не займет много времени.

– Сообщите, если вам что-нибудь понадобится. – Она бесшумно закрыла дверь, оставив Еву одну.

Кабинет был огромным – Рорк любил большие пространства. Из многочисленных окон со слегка затемненными стеклами открывался потрясающий вид на город. Высоту Рорк тоже любил – но это его пристрастие Ева не разделяла. Поэтому она расхаживала по ковру, не приближаясь к окнам.

Каждая безделушка в комнате была изысканной и уникальной, мебель – роскошной и комфортабельной. Но Ева знала, что, скажем, письменный стол черного дерева являлся всего лишь еще одним атрибутом власти для человека, который буквально дышал властью.

Деловитость, элегантность, могущество – всего этого хватало ее мужу с избытком, в чем можно было легко убедиться, когда спустя десять минут он вошел через боковую дверь.

При виде Рорка у Евы по-прежнему всякий раз замирало сердце. Лицо его казалось вылепленным скульптором эпохи Ренессанса, глаза были неправдоподобно синими, а крупный рот вызывал у женщин желание ощутить его поцелуи. Черные волосы опускались почти до плеч, придавая ему слегка злодейский облик, а тело, облаченное в безупречно скроенный костюм, было сильным и гибким, что было хорошо известно Еве.

– Лейтенант, – заговорил Рорк своим вкрадчивым, по-ирландски мягким голосом. – Какое неожиданное удовольствие!

Ева невольно нахмурилась, как часто делала, когда при виде мужа ее охватывало пьянящее ощущение любви, восторга и страсти.

– Мне нужно поговорить с тобой.

Он шагнул к ней, приподняв брови:

– О чем?

– Об убийстве.

– Вот как? – Рорк взял ее руки в свои и поцеловал. – Я под арестом?

– Я не шучу, Рорк! Твое имя всплыло во время поисков информации. Что ты делаешь в научно-исследовательском отделе Центра Дрейка?

– Вот что значит быть женатым на копе! – Он положил руки ей на плечи, но, почувствовав ее напряжение, опустил руки и вздохнул. – Ева, я являюсь членом множества всяких советов и комитетов. Кто жертва на этот раз?

– Бездомный по прозвищу Снукс.

– Едва ли мы с ним знакомы. Садись и расскажи, чем для меня чревато членство в правлении Центра Дрейка.

– Возможно, ничем, но мне нужно с чего-то начать.

Она игнорировала предложение сесть, продолжая расхаживать по кабинету. Рорк наблюдал за ней – ее фигура почти зримо источала беспокойную энергию. Зная Еву, он понимал, что эта энергия уже целиком направлена на поиски убийцы.

Подобная целеустремленность была одним из качеств, так привлекавших его в ней.

– Преступление довольно странное: у убитого хирургическим способом извлекли сердце в его импровизированном жилище на Бауэри, – продолжала Ева. – Медицинский эксперт утверждает, что такую операцию мог проделать только первоклассный хирург и что мне лучше начать с Центра Дрейка.

– Правильный выбор. Это лучший медицинский центр в городе – и, возможно, на всем Восточном побережье. – Рорк задумчиво прислонился к письменному столу. – Говоришь, у него изъяли сердце?

– Да. Он был пьяницей и наркоманом с абсолютно изношенным организмом. По словам Морриса, его сердце никуда не годилось и он вряд ли прожил бы больше полугода. – Ева остановилась и посмотрела на Рорка, сунув большие пальцы в карманы куртки. – Что тебе известно о торговле человеческими органами на черном рынке?

– Этим бизнесом я не занимался даже в моем... э-э... сомнительном прошлом, – усмехнулся он. – Но, насколько я знаю, прогресс в области создания искусственных органов вкупе с общим развитием здравоохранения свел подобную торговлю на нет. Этот рынок достиг своего пика много лет тому назад. Впрочем, возможность получения донорских органов благодаря несчастным случаям сохраняется до сих пор.

– Сколько можно выручить за изъятое сердце? – осведомилась Ева.

– Право, не знаю. – Он наморщил лоб, и его сексуальный рот снова изогнулся в улыбке. – Хочешь, чтобы я это выяснил?

– Я могу выяснить это сама. – Ева снова начала мерить шагами кабинет. – Чем ты занимаешься в правлении Центра?

– Я – советник. Мой собственный научно-исследовательский отдел имеет медицинский сектор, который сотрудничает с аналогичным отделом Центра Дрейка. У нас с ними контракт: мы снабжаем их медоборудованием, приборами, компьютерами... – Рорк опять улыбнулся. – А также искусственными органами. Исследовательский отдел Дрейка в основном занимается фармацевтикой и протезами.

– Значит, вы изготавливаете искусственные органы? И сердца?

– В том числе. С живой тканью мы дела не имеем.

– Ну, хорошо. И кто ж там лучший хирург?

– Отдел возглавляет Колин Кэгни. Между прочим, ты с ним встречалась, – добавил Рорк. Ева молча кивнула. Разве она в состоянии запомнить всех, кого встречала на различных приемах с тех пор, как Рорк вошел в ее жизнь?

– Интересно, совершает ли он визиты на дом?

Рорк усмехнулся:

– Не могу себе представить знаменитого доктора Кэгни, производящего незаконную операцию в пристанище бродяги.

– Возможно, у меня сложится иное впечатление, когда я увижу его снова. – Ева тряхнула головой. – Прости, что оторвала тебя от дел.

– Оторви меня еще ненадолго, – коснулся он пальцем ее губ. – Сходим вместе на ланч.

– Не могу. У меня еще много работы. – Губы Евы дрогнули от его легкого прикосновения, и она тут же нахмурилась. – Кстати, что ты сейчас покупал?

– Австралию, – ответил Рорк и рассмеялся, когда она уставилась на него. – Всего лишь маленький кусочек. – Довольный реакцией Евы, он привлек ее к себе и крепко поцеловал. – Я тебя обожаю!

– Рада это слышать, – сдержанно отозвалась Ева, хотя ее всегда бросало в жар от этих слов. – Я должна идти.

– Хочешь, чтобы я разузнал об исследованиях по трансплантации органов у Дрейка?

– Это моя работа, и я сама знаю, как ее выполнить. Буду рада, если ты не станешь вмешиваться. Отправляйся покупать то, что осталось от Австралии, или еще что-нибудь. Увидимся дома.

– Минуточку, лейтенант! – Повернувшись к письменному столу, Рорк открыл ящик, вынул плитку шоколада и бросил ей: – Это тебе вместо ланча.

Ева усмехнулась и убрала плитку в карман.

– Спасибо.

Когда она закрыла за собой дверь, Рорк посмотрел на часы. До следующей встречи оставалось двадцать минут. Времени достаточно.

Он сел к компьютеру, улыбнулся при мысли о том, что сейчас сказала бы Ева, и набрал справочный код Центра Дрейка.

3

Доктора Миры не оказалось на месте. Ева послала ей по электронной почте просьбу о консультации на завтра и отправилась в Центр Дрейка.

Центр целиком занимал одно из тех вытянувшихся на целый квартал зданий, которые Ева видела сотни раз и на которые никогда не обращала внимания до встречи с Рорком. С тех пор он неоднократно таскал ее в подобные учреждения, хотя она спокойно могла бы обойтись домашней аптечкой.

Ева люто ненавидела больницы. И то, что на сей раз она пришла в одну из них как коп, а не как пациент, ровным счетом ничего не меняло.

Оригинальное кирпичное здание было очень старым, и сохранить его, по-видимому, стоило немало трудов и денег. К нему были сделаны современные пристройки из стекла и бетона. Ева предположила, что на верхних этажах находятся рестораны, магазинчики подарков и сувениров, где персонал, посетители или пациенты могут наслаждаться видом и тешить себя иллюзиями, что они находятся вдалеке от обители болезней и страданий.

Так как компьютер в ее машине был надежнее, чем в кабинете, Ева смогла получить общую информацию, и ей стало ясно, что Центр Дрейка является настоящим городом в городе. Он включал отделы подготовки и обучения, лаборатории, травмопункты, приемные врачей, операционные, больничные палаты, помещения для сотрудников и посетителей, чего и следовало ожидать от любого медицинского центра. Но, помимо этого, здесь имелись дюжина ресторанов, в том числе два пятизвездочных, несколько часовен, небольшой элегантный отель для родственников и друзей, желавших находиться поближе к пациентам, торговый пассаж, три театра и пять салонов обслуживания.

Многочисленные информационные карты Центра помогали посетителям найти дорогу в нужный им сектор. От нетерпения и потому, что этот сектор был знаком ей лучше других, Ева направила машину к отделу неотложной помощи и сердито уставилась на экран, вопрошающий ее о полученных повреждениях:

«Это единственное место для парковки в секторе неотложной помощи. Ваши повреждения должны быть установлены для того, чтобы вы могли оставить здесь свой транспорт. Пожалуйста, выйдите из машины и опишите ваши травмы или симптомы заболевания».

– Я испытываю беспокойство, – огрызнулась Ева и продемонстрировала экрану свой жетон. – Полиция.

Экран издал протестующий звук, но Ева уже шагала через площадку для парковки к стеклянным дверям.

Отделение неотложной помощи наполняли стоны, всхлипывания и причитания. Пациенты угрюмо ежились на стульях, заполняли анкеты на портативных экранах или с обреченным выражением лица ждали своей очереди. Кого-то везли на каталке. Уборщица вытирала тряпкой кровь с пола серо-стального оттенка. Медсестры в светло-голубой униформе сновали туда-сюда. Иногда мимо проносились врачи в развевающихся халатах, стараясь не встречаться глазами со страждущими.

Ева подошла к ближайшей карте, чтобы узнать дорогу в хирургическое крыло. Ближайшим способом добраться туда оказался подземный трамвай, поэтому она присоединилась к стонущему пациенту, привязанному к каталке, двум утомленного вида стажерам и пожилой паре, шептавшейся о некоем Джо и его шансах на выздоровление с новой печенью.

Добравшись в правое крыло, Ева поднялась на эскалаторе.

Центральный холл походил на церковь высокими мозаичными потолками и красочными панно, на которых, правда, были изображены не религиозные сюжеты, а цветы и деревья. Стулья и кресла располагались рядом с центрами связи. Дежурные в комбинезонах пастельного

цвета были готовы в любой момент оказать помощь. Сделать операцию, подлатать или заменить внутренние органы в частной клинике стоило немалых денег. И Центр Дрейка старался оказать щедрое гостеприимство тем, кто был в состоянии пользоваться его услугами.

Выбрав один из полудюжины регистрационных столиков, Ева сразу показала дежурному жетон, дабы избежать лишних объяснений.

– Мне нужно поговорить с доктором Колином Кэгни.

– Пожалуйста, подождите минутку – я сейчас узнаю, где он. – Дежурный в сером костюме и безупречно повязанном галстук набрал номер, выслушал ответ и обернулся к Еве с вежливой улыбкой: – Доктор Кэгни на десятом этаже, где проводятся консультации. Сейчас он с пациентом.

– Я могла бы его где-нибудь подождать?

– Да, разумеется; у нас для этого имеются специальные комнаты. Посмотрим, есть ли свободные. – Он подошел к табло, на котором мерцали красные и зеленые огоньки. – Третья комната свободна. С удовольствием зарезервирую ее для вас.

– Прекрасно. Передайте доктору Кэгни, что мне нужно побеседовать с ним и что у меня мало времени.

– Конечно. Воспользуйтесь шестым лифтом, лейтенант. Доброго вам здоровья.

– Спасибо, – буркнула Ева, которую всегда раздражала подобная назойливая вежливость. Очевидно, немедицинский персонал Центра подвергался жесткому тренингу.

Поднявшись на десятый этаж, она отыскала нужное помещение. Это оказалась маленькая, со вкусом обставленная комната с экраном в полстены, на котором переливались мягкие краски, что, очевидно, должно было успокаивать пациента. Первым делом Ева выключила экран и, игнорируя низкий диван и два глубоких кресла, подошла к окну, выходящему на Вторую авеню. Ей хотелось вырваться из этой атмосферы безупречного порядка.

Улица, забитая транспортом, выглядела утешительно шумной и неорганизованной. Ева некоторое время наблюдала за медицинским вертолетом, описывающим круги над одной из посадочных площадок. Она насчитала еще два вертолета и пять машин «Скорой помощи», прежде чем позади нее открылась дверь.

– Рад вас видеть, лейтенант.

Доктор ослепительно улыбнулся, продемонстрировав ровные и белые зубы, сверкающие, словно инструменты военного оркестра. Улыбка вполне гармонировала с холемым гладким лицом, терпеливым взглядом пронизательных серых глаз под театрально-черными бровями. Серебристую белизну волос подчеркивала черная прядь с левой стороны. На нем был не халат, а элегантно скроенный костюм того же графитно-серого оттенка, что и глаза. Рука казалась нежной, как у ребенка, что не помешало ему крепко пожать руку Евы.

– Доктор Кэгни?

– Надеюсь, вы будете называть меня Колин. – Он разжал руку, и его лицо снова расплылось в улыбке. – Мы несколько раз встречались на различных мероприятиях. Хотя, думаю, в связи с вашей работой и положением Рорка вы встречаете великое множество людей.

– Это верно, но вас я помню. – Ева действительно вспомнила его, как только увидела: такие лица не ускользают из памяти. Острые скулы, квадратный подбородок, высокий лоб, золотистого оттенка кожа... – Спасибо, что согласились поговорить со мной.

– Рад это сделать. – Он указал на стул. – Но, надеюсь, вам не требуются мои профессиональные услуги. Вы не больны?

– Нет, со мной все в порядке. Я здесь по служебной необходимости. – Она опустилась на стул, хотя предпочла бы стоять. – Видите ли, одного бездомного убили прошлой ночью, и это дело рук человека, обладающего первоклассным мастерством хирурга.

Кэгни сдвинул брови и покачал головой:

– Не понимаю.

– У него удалили сердце.

– Господи! – Кэгни положил руки на колени, в его глазах мелькнули тревога и растерянность. – Это ужасно, но я все еще не понимаю. Вы хотите сказать, что его сердце удалили хирургическим способом и унесли с места преступления?

– Вот именно. Ему сделали анестезию и убили в собственном жалком импровизированном жилище. Свидетель видел двух мужчин, входивших туда: один нес нечто вроде докторского саквояжа, а другой – емкость для транспортировки органов. Операция была проведена опытным хирургом. Сосуды зажаты, разрез сделан точно. Это явно не любительская работа.

– Но с какой целью? – пробормотал Кэгни. – Я давно не слышал о подобной краже органов. Говорите, бездомный? Вы определили состояние его организма?

– Медицинский эксперт утверждает, что ему оставалось жить несколько месяцев. Его сердце явно было не в лучшем состоянии.

Тяжело вздохнув, Кэгни откинулся на спинку стула.

– Очевидно, вам на службе приходится видеть всякое, лейтенант. Я тоже собираю по кусочкам разорванные, разрубленные, переломанные тела. Казалось бы, нам давно следовало к этому привыкнуть, но есть вещи, которые не перестают ужасать. Люди находят все новые и новые способы убийства.

– И так будет всегда, – согласилась Ева. – Однако инстинкт подсказывает мне, что этого человека выбрали наугад – убийцы просто взяли у него то, что им требовалось. Должна спросить у вас, доктор Кэгни, где вы были прошлой ночью между часом и тремя.

Кэгни растерянно заморгал и открыл рот от неожиданности, но быстро взял себя в руки.

– Понимаю, – медленно протянул он, выпрямившись на стуле. – Я был дома – спал рядом с женой, – но не могу этого доказать. – Его взгляд и голос стали ледяными. – Мне потребуется адвокат, лейтенант?

– Это на ваше усмотрение, – невозмутимо отозвалась Ева. – В настоящее время я не вижу в этом надобности. Но мне придется побеседовать с вашей женой.

В углах рта Кэгни обозначились резкие складки.

– Понимаю, – повторил он, кивнув.

– И в вашей, и в моей профессии имеются рутинные процедуры, которые часто бывают неприятными. Мне нужен список лучших хирургов в городе – прежде всего специалистов по трансплантации органов.

Кэгни встал и подошел к окну.

– Врачи стоят друг за друга, лейтенант, – произнес он после затянувшегося молчания. – Это вопрос чести и лояльности.

– Копы тоже стоят друг за друга. И когда один из них оказывается замаранным, это пачкает всех нас. Я могу получить этот перечень по другим каналам, – добавила она, поднявшись, – но была бы вам благодарна за сотрудничество. Поймите, был убит человек. Кто-то решил не дать ему дожить до естественной смерти. И это приводит меня в бешенство, доктор Кэгни.

Его плечи слегка дрогнули.

– Я пришлю вам список, лейтенант, – сказал он не оборачиваясь. – Вы получите его к концу дня.

– Спасибо.

* * *

Ева вернулась в управление, вспомнив о шоколадной плитке, только когда она въехала на стоянку. Она жевала шоколадку по пути в кабинет, заодно пережевывая свои впечатления от Кэгни.

Человеку с таким лицом пациенты должны доверять и считать его предписания законом. Ева собиралась получить о нем информацию, но уже пришла к выводу, что ему лет под семьдесят. Значит, он был врачом больше половины прожитой жизни.

Конечно, Кэгни в принципе способен на убийство – Ева давно усвоила, что на это способен любой человек в определенных обстоятельствах. Но мог ли он убить так хладнокровно? А если он знал того, кто это сделал, то стал бы выгораживать его под предлогом профессиональной солидарности?

Она не была уверена в ответах.

Ее компьютер мерцал зеленым светом, указывая на поступление новых данных. «Пибоди усердно потрудились», – подумала Ева. Сбросив куртку, она включила монитор, и через пять тягостных минут скрежета информация появилась на экране.

«Жертва опознана как Сэмюэл Майкл Петрински, родившийся в Мэдисоне, штат Висконсин. Возраст 75 лет. Идентификационный номер 12176-VSE-12. Родители умерли. Братья и сестры неизвестны. Семейное положение: разведен. Бывшая жена Черил Петрински-Сильва, возраст 72 года. Трое детей: Сэмюэл, Джеймс, Люси. Никаких сведений о работе за последние тридцать лет».

«Что же случилось с тобой, Сэм? – думала Ева. – Почему ты оставил жену и детей и приехал в Нью-Йорк калечить ум и тело куревом и алкоголем?»

– До конца еще чертовски далеко, – пробормотала она и запросила информацию о детях: нужно было уведомить ближайших родственников.

«Вы осуществили незаконную функцию. Пожалуйста, сотрите запрос и немедленно введите ваш идентификационный номер, иначе вся информация будет уничтожена».

– Сукин сын!

Взбешенная Ева вскочила на ноги и ударила компьютер кулаком в бок. Несмотря на боль в костяшках пальцев, она приготовилась ударить его снова, но тут за ее спиной раздался знакомый голос:

– Проблема с оборудованием, лейтенант?

Ева стиснула зубы и обернулась. Майор Уитни редко заходил в ее кабинет и выбрал для этого не слишком удачный момент, когда она дубасила имущество департамента.

– К сожалению, сэр, этот компьютер никуда не годится.

В темных глазах Уитни мелькнуло нечто вроде улыбки, хотя Ева не была в этом уверена.

– Советую обратиться в компьютерный отдел, лейтенант.

– Этот отдел – сборище олухов!

– А наш бюджет – сборище дыр. – Уитни вошел в кабинет, закрыл за собой дверь, огляделся и покачал головой. – Ваш ранг, Даллас, дает вам право сменить эту каморку на что-нибудь более приличное.

– Меня все устраивает, сэр.

– Вы всегда так говорите. В этом автомате кофе ваш или департамента?

– Мой, сэр. Хотите чашечку?

– С удовольствием.

Ева повернулась к кофеварке. Закрытая дверь означала, что Уитни хочет поговорить с ней наедине, а согласие выпить кофе – желание, чтобы она не ощущала напряжения. Это сочетание нервировало Еву, но ее рука не дрожала, когда она передавала Уитни чашку, а глаза, устремленные на него, оставались спокойными.

Майор был крупным мужчиной с суровым лицом, широкими плечами и зачастую усталым взглядом.

– Сегодня, рано утром, вы выезжали на убийство, – начал он и сделал достаточно долгую паузу, чтобы попробовать и оценить кофе из самых лучших зерен, которые только можно было приобрести за деньги.

– Да, сэр. Жертву только что идентифицировали. Мне нужно уведомить ближайших родственников. – Она бросила сердитый взгляд на компьютер. – Но сначала я должна вытянуть информацию из этого чертова агрегата. К концу дня я представлю вам рапорт.

– Я уже получил рапорт полицейского, первым оказавшегося на месте преступления. Вместе с жалобой. Кажется, вы с Бауэрс не ладили?

– Я сделала ей замечание. Вполне заслуженное.

– Она жалуется, что вы использовали при этом неподобающие и оскорбительные выражения. – Когда Ева закатила глаза, Уитни улыбнулся. – Мы с вами знаем, что подобные жалобы всего лишь вздорный бред очередного зануды. Однако... – Его лицо вновь стало серьезным. – Она также утверждает, что вы небрежно работали на месте преступления, использовали в своих интересах ее стажера, а ей угрожали физической расправой.

Ева почувствовала, что у нее в жилах закипает кровь.

– Пибоди запротоколировала расследование на месте преступления. Я немедленно представлю вам копию.

– Мне она потребуется, чтобы официально отклонить жалобу. На самом-то деле я не сомневаюсь, что все это – чепуха. – В комнате было два стула, шатких и скрипучих; Уитни с сомнением посмотрел на них, но все-таки рискнул сесть. – Тем не менее мне бы хотелось выслушать вас, прежде чем принимать меры.

– Я не считаю нужным бежать к начальству или строчить жалобы из-за незначительного инцидента между копами, – раздраженно отозвалась Ева. Поскольку Уитни молча смотрел на нее, она пожала плечами и продолжила: – Полицейский Бауэрс к моему прибытию не обеспечила должным образом охрану места преступления и за это получила замечание. После этого она проявила явную склонность к нарушению субординации, на что ей опять-таки было справедливо указано. Ее стажер по собственной инициативе сообщил мне, что во время их прошлых обходов рядом с временным жильем жертвы стояло другое, которое сейчас было перенесено. Он докладывал об этом своему инструктору, но она не приняла во внимание его слова. Между тем именно это наблюдение помогло выявить важного свидетеля. Я пригласила стажера Трухарта присутствовать при допросе свидетеля, с которым он был знаком. Трухарт, как будет указано в моем рапорте, демонстрирует отличный потенциал. – Ева на мгновение прервалась, и ее глаза блеснули. – Я отрицаю все обвинения, кроме последнего. Вполне возможно, я и в самом деле пригрозила полицейскому Бауэрс физической расправой, что может засвидетельствовать моя помощница. Но сейчас я сожалею только о том, что не выполнила угрозу и не пнула ее в толстый зад, сэр.

Уитни поднял брови, пытаясь скрыть усмешку. Лейтенант Даллас редко вкладывала в устный рапорт личные чувства.

– Если бы вы это сделали, лейтенант, у нас возникли бы сложности. Зная вашу дотошность, я не сомневаюсь, что вы или ваша помощница просмотрели досье полицейского Бауэрс и, следовательно, осведомлены о ее многочисленных переводах из одного участка в другой. Она, так сказать, «трудный ребенок», а таких обычно перебрасывают с места на место. – Он потер рукой затылок, словно стараясь облегчить боль. – Бауэрс также чемпион по кляузам. Ничто не нравится ей больше чем писать жалобы. Она здорово невзлюбила вас, Даллас, и должен предупредить, что будет теперь изо всех сил стараться вам напакостить.

– Меня это не волнует.

– И напрасно. Такие, как Бауэрс, только и ждут, чтобы причинить неприятности коллегам. А она нацелилась на вас. Я знаю, что Бауэрс направила копию жалобы шефу Тибблу и начальнику своего отдела. Поэтому вы уж представьте мне до конца дня запись протокола расследования на месте преступления, ваш рапорт и тщательно продуманный ответ на эту жалобу. Для составления ответа воспользуйтесь помощью Пибоди, – с улыбкой добавил он. – У нее более холодная голова.

– Сэр! – В голосе Евы слышалось негодование, но она придержала язык.

– У меня в подчинении никогда не было лучшего копа, чем вы, лейтенант Даллас. И это будет моим личным ответом на жалобу. Такие полицейские, как Бауэрс, редко пробегают дистанцию – она обязательно на чем-нибудь споткнется и вылетит из департамента. А на вашем пути это всего лишь заминка. Примите ее всерьез, но не уделяйте ей больше сил и времени, чем она того заслуживает.

– Я и не собираюсь тратить на это больше пяти минут: в конце концов, у меня на руках дело об убийстве. Но в любом случае благодарю за поддержку.

Уитни кивнул и поднялся.

– Чертовски хороший кофе, – завистливо произнес он, отодвигая пустую чашку, и добавил, выходя из кабинета: – Увидимся в конце смены.

– Да, сэр.

Еве очень хотелось пнуть ногой стол, но она сдержалась, так как ее пальцы все еще ныли после столкновения с неодоушевленным противником. Не желая получить еще одно повреждение, она позвала Пибоди и велела ей разобраться с компьютером и выяснить координаты ближайших родственников Снукса. Вскоре Еве удалось связаться с его дочерью, которая, услышав печальную новость, горько заплакала, хотя и не видела отца почти тридцать лет.

Настроение Евы слегка улучшила реакция Пибоди на жалобу Бауэрс.

– Безмозглая дрянь! – воскликнула Пибоди, покраснев от гнева и упершись кулаками в бедра. – Мало того, что она никуда не годный коп, так еще и бессовестно врет! Какого черта она настроила эту жалобу?! – Пибоди взмахнула своей электронной записной книжечкой. – Сейчас я разыщу ее, и она увидит, как чувствует себя клязник, когда его бьют промеж глаз!

– Уитни сказал, что у тебя холодная голова, – с усмешкой заметила Ева. – Приятно, когда командир так хорошо знает своих солдат. – Она рассмеялась, так как глаза Пибоди едва не вылезли из орбит. – Сделай пару вдохов, Пибоди, покуда у тебя в мозгу что-нибудь не взорвалось. Мы ответим на все это должным образом – и через соответствующие инстанции.

– Значит, мы отделаем эту стерву как следует?

– И почему это считается, будто ты благотворно на меня влияешь? – Ева покачала головой и села за стол. – Ты мне нужна, Пибоди. Майор просил скопировать протокол расследования на месте и написать собственный рапорт. Изложи все коротко и ясно. Только одни факты. А я пока сочиню ответ на жалобу, и когда ты вновь обретешь холодную голову, которой так восторгается Уитни, то прочитаешь его.

– Не понимаю, как вы можете относиться к этому так спокойно.

– Уверю тебя, это не так, – пробормотала Ева. – Ну, давай приниматься за работу.

* * *

Ева трудилась над ответом, стараясь выдержать его в сдержанной деловой форме. Когда процесс близился к концу, пришел список, который она попросила у Кэгни. Не обращая внимания на разыгравшуюся головную боль скопировала все диски, имеющие отношение к делу, и составила весьма корректное, по ее мнению, заявление в компьютерный отдел, только дважды назвав его персонал олухами. Наступил конец смены, и она твердо решила для разнообразия съездить домой, даже если ей придется продолжить работу и дома.

Однако стоило Еве сесть в машину, как она почувствовала, что гнев снова начал закипать в ней. Ева долго трудилась, чтобы стать хорошим копом, и ее жетон свидетельствовал о том, что она этого добилась. И только она одна знала, что именно это помогло ей спастись.

Первые годы ее жизни либо забылись вовсе, либо представляли в туманной дымке боли, горя и оскорблений. Но Ева пережила их, пережила отца, который избивал и насиловал ее. В

конце концов он довел девочку до такого состояния, что, когда ее нашли в переулке истекающей кровью, она даже не могла вспомнить своего имени.

Евой Даллас ее окрестили работники социальной службы, и ей пришлось сражаться за то, чтобы это имя что-нибудь значило. Сделаться копом для нее означало не только перестать быть беспомощной, но и иметь возможность помогать тем, кто не мог постоять за себя. Каждый раз, когда Ева стояла над трупом, она вспоминала, что значит быть жертвой. Каждое дело, доведенное до конца, становилось не только мстью за убитого человека, но и за девочку, забывшую свое имя.

А теперь какая-то злобная тупица попыталась испачкать ее грязью. Для некоторых копов это явилось бы всего лишь мелкой неприятностью, но для Евы было личным оскорблением.

Она попыталась дать выход своим чувствам, представив себе рукопашную схватку с Бауэрс, звуки ударов, сладковатый запах первой крови... Но это лишь вызвало чувство бессилия. Ее руки были связаны: полицейский офицер не может поднять руку на низшего по званию, как бы тот этого ни заслуживал.

Свернув в ворота, Ева подъехала к дому Рорка – великолепному сооружению из камня и стекла – и оставила машину перед подъездом, с удовольствием предвкушая, как Соммерсет начнет ворчать по этому поводу. Не чувствуя холода, она взбежала по ступенькам, открыла высокую входную дверь и огляделась. Обычно дворцовому Рорка не требовалось больше пары минут, чтобы выйти в вестибюль и сказать в ее адрес нечто нелестное. Сегодня она от души жаждала этого, но в доме было тихо, и Ева ощутила разочарование. Сегодня ей явно не везло. Она даже не могла двинуть как следует своего злейшего врага, чтобы выпустить пар. А ей так хотелось кого-нибудь ударить!

Сняв кожаную куртку, Ева намеренно бросила ее на резной столбик перил. Но Соммерсет по-прежнему не появлялся. «Ублюдок!» – с отвращением подумала Ева и побрела вверх. Как же ей справиться с кипящим внутри бешенством, если она даже не может в очередной раз поругаться с Соммерсетом? Ей нужен был сейчас хороший боксерский раунд – и не с роботом, а с человеком!

Ева шагнула в спальню, намереваясь принять горячий душ, прежде чем браться за работу, и с изумлением обнаружила там Рорка. Очевидно, он только что вошел и вешал в шкаф пиджак.

Рорк обернулся. Блестящие глаза, покрасневшее лицо и агрессивная поза Евы красноречиво свидетельствовали о ее настроении. Он закрыл шкаф и улыбнулся:

– Привет, дорогая. Как прошел день?

– Паршиво. А где Соммерсет?

Рорк приподнял брови и шагнул к Еве, почти физически ощущая исходящие от нее волны гнева и разочарования.

– У него свободный вечер.

– Прекрасно. – Ева отвернулась. – Единственный раз, когда мне понадобился этот сукин сын, его нет дома.

Рорк покосился на толстого серого кота, свернувшегося на кровати. Они молча обменялись взглядами, и Галахад, предпочитая не провоцировать насилия, спрыгнул на пол и направился к двери.

Рорк облизнул губы.

– Я могу что-нибудь для тебя сделать? – осторожно осведомился он.

Ева сердито уставилась на него:

– Мне слишком нравится твое лицо, поэтому я не хочу его уродовать.

– Мне повезло, – заметил Рорк, наблюдая, как Ева ходит взад-вперед по комнате, по дороге пиная ногой диван. – В вас скопилось слишком много энергии, лейтенант. Пожалуй, я сумею вам помочь.

– Если ты собираешься пичкать меня твоими чертовыми транквилизаторами, то я... – Прежде чем Ева успела окончить фразу, она оказалась на кровати. – Отстань! Я в жутком настроении.

– Вижу. – Рорк стиснул одной рукой запястья Евы и прижал ее к кровати собственным телом, лишив возможности сопротивляться. – Давай этим воспользуемся.

– Когда я захочу секса, то дам тебе знать, – сквозь зубы процедила Ева.

– О'кей. – Рорк склонился над ее лицом. – А в ожидании этого я немного позабавлюсь. Ты такая вкусная, когда злишься.

– Черт возьми, Рорк... – Однако его язык, касаясь ее кожи, делал свое дело, превращая гневные эмоции в нечто противоположное. – Прекрати, – пробормотала она, но, когда свободная рука Рорка коснулась ее груди, тут же сама прильнула к нему всем телом.

– Уже лучше. – Скользя губами по подбородку Евы, Рорк впился в ее рот яростным поцелуем. Его тело напряглось, но внезапно он с улыбкой приподнялся. – А впрочем, если ты хочешь побыть одна...

Высвободив руку, Ева вцепилась ему в рубашку:

– Слишком поздно. Теперь я хочу секса.

Усмехнувшись, Рорк позволил ей перевернуть его на спину. Ева оседлала его и стиснула ногами, положив ладони ему на грудь.

– Я все еще злюсь, – предупредила она.

– Что ни делается, все к лучшему.

Протянув руку, Рорк начал расстегивать ее блузку. Дыхание Евы участилось, а пальцы сильнее впелись в черный шелк его рубашки.

– Сколько она стоит?

– Понятия не имею.

– Тем лучше. – Ева рванула рубашку, и ткань треснула. Прежде чем Рорк сообразил, смеяться ему или сердиться, она вцепилась зубами ему в плечо и дернула его за волосы. – Это будет грубо и быстро.

Их губы снова слились в жадном поцелуе. Они катались по кровати, дрожа от страсти. Нерастроченная энергия Евы реализовалась в жажде обладания. Зубы Рорка на ее обнаженной груди, его руки, до боли ласкавшие ее тело, разжигали аппетит.

Из горла Евы вырвалось яростное рычание, когда Рорк рывком поставил ее на колени, прижавшись к ней всем телом. Она до крови царапала его влажную спину. Желание, клокодавшее в ней, отражалось в его блестящих голубых глазах. Повалив Рорка на постель, Ева снова оседлала его и со стоном выгнула спину, когда ее пронизало наслаждение.

Рорк наблюдал, как она отдается ему – ее тело блестело от пота, потемневшие глаза казались слепыми ко всему, кроме того, что происходило между ними.

Когда Ева застонала, он перевернул ее на спину и приподнял бедра, проникая в нее с каждым разом все глубже и глубже...

4

Рорк лениво потерся носом о шею Евы. Ему нравился запах, который секс придавал ее коже.

– Надеюсь, теперь ты чувствуешь себя лучше?

Она издала нечто среднее между стоном и ворчанием. Улыбнувшись, Рорк осторожно перекатился на спину, не выпуская Еву из объятий, и начал поглаживать ей спину.

В ушах у Евы все еще звенело, а тело было таким расслабленным, что сейчас она не справилась бы и с ребенком. Скользящие по ее спине руки Рорка действовали усыпляюще. Ева уже начала дремать, когда Галахад, решив, что путь свободен, вернулся в комнату и бодро прыгнул на ее обнаженные ягодицы.

– Черт возьми! – Протестующий рывок Евы вынудил кота вонзить ей в кожу острые коготки, дабы удержать равновесие. Скатившись с Рорка, она повернулась, одержимая жаждой крови, но увидела, что ее супруг поглаживает длинными пальцами блаженно мурлычущего Галахада.

Ева сердито нахмурилась:

– Полагаю, вы оба считаете это чертовски забавным?

– Мы оба рады видеть тебя дома и проявляем это каждый по-своему. – Рорк сел и прижал ладони к покрасневшимся щекам Евы, глядя в ее гневные глаза. – Вы выглядите очень привлекательно, лейтенант. – Он чмокнул ее в губы, почти заставив забыть весь свой гнев. – Почему бы нам не принять душ? А после обеда ты бы рассказала мне, что тебя так расстроило.

– Я не голодна. – Теперь, когда злость иссякла, ей хотелось подумать.

– Зато я голоден. – И Рорк стащил ее с кровати.

* * *

В кухне Рорк не донимал жену вопросами. Хорошо зная Еву, он решил, что ее вывело из себя что-то связанное с работой. «Хотя она не любит делиться своими неприятностями, но рано или поздно все расскажет», – думал Рорк. Разлив вино, он сел напротив Евы за стол у окна.

– Идентифицировала своего бродягу?

– Да. – Она провела пальцем по ножке бокала и пожала плечами. – Один из бедолаг, каких развелось множество в последнее время. Едва ли кто-нибудь сможет объяснить, почему он предпочел такую жалкую жизнь нормальной.

– Возможно, его нормальная жизнь тоже была достаточно жалкой.

– Может быть. Мы передадим тело его дочери, когда закончим следствие.

– И тебя так взволновала эта история, что ты не успокоишься, пока не выяснишь, кто его убил?

– Это моя работа. – Ева равнодушно подцепила вилкой устрицу на тарелке. – Чем больше людей будут выполнять свою работу вместо того, чтобы мешать работать другим, тем лучше.

«Ага! – подумал Рорк. – Так вот оно что».

– И кто же мешает вам работать, лейтенант?

Ева снова пожала плечами, делая вид, что ей на это наплевать.

– Один «трупоеискатель», – нехотя ответила она. – Возненавидел меня с первого взгляда, неизвестно почему.

– «Трупоеискатель»? Достаточно колоритное прозвище. Ну а имя у него есть?

– У нее. Эта идиотка Бауэрс из 162-го участка настрочила на меня жалобу после того, как я сделала ей замечание за небрежную работу. Я в полиции десять лет, и на меня еще никогда не было жалоб. Черт бы ее побрал! – Она глотнула вина.

Не столько гнев, сколько печаль в глазах Евы побудила Рорка положить ладонь на ее руку.

– Это так серьезно?

– Да, – ответила она. – Хотя и выглядит чепухой.

Рорк стиснул пальцы Евы:

– Тогда расскажи подробно.

И Ева выплеснула все, что в ней накопилось, – куда менее сдержанно, чем во время официального устного рапорта Уитни. Рассказывая, она, сама того не замечая, одну за другой отправляла в рот устрицы.

– Так, – сказал Рорк, когда Ева умолкла. – Короче говоря, ты поставила на место сварливую зануду, она тебе отплатила, настрочив кляззу – что, по-видимому, вошло у нее в привычку, – а твой начальник на твоей стороне, о чем готов заявить официально.

– Да, но... – Ева сделала паузу, не находя слов после столь краткого и точного суммирования происшедшего. – Это все не так просто, как кажется.

«Для Евы – безусловно», – подумал Рорк.

– Может быть, и нет, – отозвался он, – но, если кто-то сравнит ее послужной список с твоим, она будет выглядеть еще глупее, чем сейчас.

– Да, но на мой список она посадила пятно, – возразила Ева, хотя слова Рорка слегка взбодрили ее. – А тупицы из бюро внутренних дел обожают всякие пятна. Теперь мне придется отвечать на ее нелепые обвинения вместо того, чтобы проверять сведения о хирургах, список которых прислал Кэгни. Бауэрс наплевать на работу! Она просто хочет отомстить мне за то, что я устроила ей головомойку и послала за кофе. Таким нечего делать в полиции.

– Во всяком случае, она допустила ошибку, связавшись с таким уважаемым и безупречным полицейским, как ты. – Рорк улыбнулся, увидев, как Ева сдвинула брови, стараясь скрыть смущение.

– Ничего безупречного во мне нет. Сейчас, например, мне бы очень хотелось пройтись ногами по ее физиономии!

– Еще бы, – заметил Рорк. – Иначе ты не была бы той женщиной, которую я обожаю. – Он поднес к губам пальцы Евы и поцеловал их, с удовольствием наблюдая, как улыбка медленно смягчает ее черты. – Если хочешь, давай найдем эту Бауэрс, и ты ее отдубасишь? А я тем временем подержу твою куртку.

На этот раз Ева рассмеялась:

– Ты просто хочешь посмотреть, как дерутся женщины. И почему только мужчины так это любят?

Рорк отхлебнул вина.

– Потому что женщины в этот момент расходуют очень много сексуальной энергии. А мы ведь так легко возбуждаемся.

– Мне ли не знать! – Ева с удивлением воззрилась на пустую тарелку. Значит, она все-таки проголодалась. Секс, еда и сочувствующий слушатель – все-таки в браке много достоинств. – Спасибо. Похоже, я в самом деле чувствую себя лучше.

Ева решила, что, так как Рорк подал на стол, ей следует заняться посудой. Она погрузила тарелки в посудомоечную машину и сочла свою работу выполненной.

Рорк не стал указывать ей, что она поставила тарелки задом наперед и забыла машину включить. Кухня явно не была стихией Евы. Ладно, посудой займется Сомерсет.

– Пойдем в мой кабинет. У меня есть для тебя кое-что.

Ева с подозрением прищурилась:

– Я говорила тебе после Рождества: больше никаких подарков!

– Но мне нравится делать тебе подарки. – Направляясь к лифту, Рорк взял жену под руку и провел пальцем по рукаву кашемирового свитера, который когда-то подарил Еве. – Нравится видеть их на тебе. Но это подарок другого сорта.

– Рорк, у меня очень много работы. Нужно наверстать упущенное.

Рорк промычал нечто неопределенное, и Ева тяжело вздохнула:

– Надеюсь, это не путешествие? Я и подумать о нем не могу с тех пор, как потеряла столько дней из-за травмы прошлой осенью.

Рука Рорка, лежащая на плече Евы, невольно сжалась в кулак. Несколько месяцев тому назад Ева была ранена, и он старался не напоминать ей об этом, хотя про себя твердо решил вывезти ее на пару недель в тропики, как только позволят дела. На пляже она расслаблялась, как ни в каком другом месте.

– Нет, это не путешествие.

– Тогда что? Мне в самом деле нужно работать!

– Приготовь нам кофе, ладно? – беспечно произнес Рорк, входя в кабинет.

Ева заскрипела зубами. Ей пришлось напомнить себе, что Рорк дал ей возможность выпустить пар, а потом внимательно выслушал и даже предложил подержать ее куртку. Тем не менее она все еще сердито хмурилась, ставя кофе на письменный стол.

Рорк рассеянно поблагодарил, продолжая возиться с пультом управления. Ева знала, что он никогда не прибегал к помощи наладчиков и программистов – очевидно, чтобы поддерживать себя в форме. Домашний рабочий кабинет очень шел ему – так же, как и служебный. Пульты с разноцветными ручками и лампочками в форме буквы U служили для него превосходным обрамлением.

Комната была переполнена всевозможной техникой – факсами, компьютерами и экранами, – но при этом отличалась элегантностью, всегда присущей Рорку, где бы он ни находился: в зале заседаний совета директоров или в заштатном ресторанчике. Мозаичные плитки пола, огромные окна, вместительные шкафы и машины обтекаемой формы, изящные безделушки... Впрочем, Ева не любила смотреть на Рорка, работающего здесь. Сознание того, что он и вся эта роскошь принадлежат ей, расслабляло ее в самые неподходящие моменты.

– Так где же твой подарок? – спросила она.

– Разве ты не видишь? – Скользя взглядом по ее лицу, Рорк кивнул в сторону противоположной стены: – На экранах.

– Что?

– Список лучших хирургов вместе с личными и профессиональными данными.

Ева повернулась так круто, что пролила бы кофе на пульт, если бы Рорк вовремя не схватил чашку.

– Поосторожнее, дорогая.

– Черт возьми, Рорк, я же говорила тебе, чтобы ты в это не лез!

– В самом деле? – В отличие от резкого голоса Евы, голос Рорка звучал мягко и чуть насмешливо. – В таком случае я проявил непослушание.

– Это моя работа, и я знаю, как ее выполнять. Я не желаю, чтобы ты составлял для меня списки и получал секретную информацию, не имея на это никакого права!

– Понятно. – Рорк нажал какую-то кнопку, и экраны погасли. – Все стерто, – весело заявил он, с удовольствием наблюдая за ее реакцией. – Пожалуй, я успею дочитать книгу, пока ты битый час будешь добывать сведения, которые я уже для тебя подготовил.

Ева издала некий нечленораздельный звук, так как не могла найти слов, которые не звучали бы по-идиотски. Ей действительно потребовался бы минимум час, и в любом случае она не смогла бы забраться так глубоко в базы данных, как Рорк.

– Думаешь, ты такой умный?

– А разве это не так?

Ева с трудом удержалась от смеха.

– Верни все назад. Я ведь знаю, что ты можешь это сделать.

– Конечно, могу, но теперь это тебе будет кое-чего стоить. – Склонив голову набок, он поманил ее пальцем.

Гордость в душе Евы боролась с целесообразностью, и последняя, как всегда, одержала верх. С сердитым видом Ева подошла к Рорку.

– Ну? – осведомилась она и выругалась, когда он усадил ее к себе на колени. – Я не собираюсь играть в твои извращенные игры!

– А я-то надеялся. – Рорк провел рукой по пульту, и информация вернулась на экраны. – В городе есть семь хирургов, отвечающие твоим требованиям.

– Откуда ты знаешь эти требования? Я сама еще их не знала, когда приезжала к тебе сегодня. – Она обернулась и посмотрела ему в глаза. – Ты залез в мои файлы?!

– Я отвечу только в присутствии адвоката. Итак, твой свидетель видел двух человек, – продолжал он. – Насколько я понимаю, ты не исключаешь женщин?

– Нет, ты мне скажи, разве я роюсь в твоих файлах? – осведомилась Ева, тыча пальцем ему в плечо. – Или интересуюсь твоими сделками и акциями?

Она при всем желании не могла бы добраться до его файлов, но Рорк только улыбнулся:

– Моя жизнь для тебя – открытая книга, дорогая. – Он взял жену за подбородок. – Хочешь посмотреть видеозапись моего последнего совета директоров?

– Можешь не беспокоиться. – Ева снова отвернулась, стараясь не расслабляться, но, когда руки Рорка обвилились вокруг нее, невольно прижалась к нему спиной, устроившись поуютнее. – Тиа Во, хирург общего профиля, специализируется на пересадке и восстановлении органов, – прочла она вслух. – Занимается частной практикой, сотрудничает с Центром Дрейка, Ист-Сайдской хирургической клиникой и клиникой Нордика в Чикаго. Рост шесть футов, крепкое телосложение... В темноте пьяный легко мог принять ее за мужчину, особенно если на ней было длинное пальто. Ну и что нам еще известно о докторе Во?

Пока компьютер перечислял подробности, Ева изучала изображение угрюмой на вид женщины пятидесяти восьми лет, с гладкими темными волосами, холодными голубыми глазами и острым подбородком. Тиа Во получила отличное образование. Почти тридцатилетняя работа в области трансплантации органов обеспечила ей колоссальный годовой доход, который она пополняла, сертифицируя продукцию «Новой жизни». Эта фирма производила искусственные органы и являлась, как со вздохом отметила Ева, дочерним предприятием «Рорк энтерпрайзис».

Доктор Во была дважды разведена и последние шесть лет не состояла в браке. Детей у нее не было, преступлений за ней не числилось, если не считать трех исков за небрежное лечение.

– Ты ее знаешь? – спросила Ева.

– Немного. Хладнокровная, амбициозная и целеустремленная особа. Считают, что у нее руки от бога и ум машины. Как видишь, пять лет назад она была президентом Американской медицинской ассоциации. В своей области пользуется большим авторитетом.

– Выглядит она так, словно ей очень нравится потрошить людей, – заметила Ева.

– Так и должно быть. Иначе зачем ей этим заниматься?

Ева пожалала плечами и продолжала читать список, внимательно изучая лица и данные.

– С кем из этих людей ты знаком?

– Пожалуй, со всеми, – ответил Рорк. – В основном встречал их на приемах. К счастью, я никогда не нуждался в их профессиональных услугах.

Ева с радостью подумала, что Рорк действительно очень здоровый человек.

– Кто из них наиболее амбициозный?

– Кэгни, Во, Уэйверли, – не задумываясь, перечислил Рорк.

– Майкл Уэйверли. – Ева затребовала данные. – Сорок восемь лет, холост, заведует хирургией в Центре Дрейка. В настоящий момент – президент Американской медицинской ассоциации. – Она разглядывала красивое лицо, пронизательные зеленые глаза, золотистую шевелюру. – А кто наиболее самоуверенный?

– По-моему, это качество свойственно всем хирургам, но если говорить о степени, то я бы снова выбрал Во, безусловно, Уэйверли, а также Ханса Вандерхавена – главу исследовательского отдела Центра Дрейка. Он тоже специалист по пересадке органов, сотрудничает с тремя ведущими центрами здоровья страны и имеет солидные связи за рубежом. Ему около шестидесяти пяти лет, он женат четвертый раз. Каждая из жен моложе своей предшественницы лет на десять. Теперешняя супруга – бывшая натурщица и едва достигла возраста, позволяющего голосовать.

– Мне не нужны сплетни, – чопорно произнесла Ева, но все-таки поинтересовалась: – Что еще о нем известно?

– Бывшие жены его на дух не переносят. Предпоследняя пыталась произвести над ним импровизированную операцию при помощи пилки для ногтей, когда застала его с вышеупомянутой натурщицей. Комиссия Медицинской ассоциации по этике погрозила ему пальцем, и этим дело кончилось.

– Пожалуй, ими я и займусь в первую очередь, – решила Ева. – То, что проделали со Снуксом, требовало не только опыта, но и самонадеянности.

– Тебе придется преодолеть немало препятствий, Ева, – осторожно заметил Рорк. – Они наверняка сомкнут ряды, обороняясь.

– У меня на руках убийство с изувеченным трупом и мотивом в виде похищения жизненно важного органа. – Она пригладила волосы. – Если кто-то из этих мясников что-то знает, я заставлю его расколоться.

– Если тебе нужны, так сказать, более личные впечатления, мы можем в конце недели посетить благотворительный показ мод и бал в Центре Дрейка.

– Показ мод? – Ева поморщилась: она охотнее вступила бы в рукопашную с наркоманом, потребляющим «Зевс». – Хорошо, но тогда мне придется тоже сделать взнос в помощь нуждающимся.

– Кстати, один из дизайнеров – Леонардо, – сообщил ей Рорк. – И там будет твоя подружка Мэвис.

Мысль о присутствии ее раскованной и элегантной подруги на чопорном благотворительном мероприятии в медицинском учреждении подбодрила Еву:

– Посмотрим, как там на нее прореагируют.

* * *

Если бы не ситуация с Бауэрс, Ева провела бы следующий день за компьютером в своем домашнем кабинете, но из гордости она решила быть в управлении, когда начнутся разговоры о происшедшем.

Утром Ева давала показания в суде по делу, раскрытому несколько месяцев назад, поэтому в управление она приехала только после часа. Ее первой задачей было отыскать Пибоди, но вместо того, чтобы пройти в свой кабинет и позвонить ей оттуда, Ева направилась к комнатам детективов.

– Эй, Даллас! – Бэкстер, один из детективов, которому нравилось ее поддразнивать, подмигнул ей и усмехнулся: – Надеюсь, ты надерешь ей задницу?

Ева понимала, что это выражение поддержки, но промолчала и, пожав плечами, двинулась дальше. Из-за столов до нее донеслось несколько других замечаний на ту же тему.

– Даллас! – Йен Макнаб, подающий надежды молодой детектив из отдела электронного сыска, вышел из каморки Пибоди. Он был красив как бог со своими длинными золотистыми волосами, связанными на затылке, серебряной серьгой в левом ухе и неизменной веселой улыбкой. Ева работала вместе с ним над двумя последними делами и знала, что под смазливой внешностью и болтливым языком скрываются быстрый ум и безошибочная интуиция.

– Тебе нечем заняться, Макнаб?

– Вовсе нет, – усмехнулся он. – Просто я добывал информацию для одного из ваших ребят и решил навестить Пибоди, прежде чем вернуться туда, где есть работа для настоящего копа.

– Уберите его с моей задницы, лейтенант! – пожаловалась Пибоди.

– Я не трогал ее задницу – пока что, – улыбнулся Макнаб. Изводить Пибоди было его любимым занятием. – Мне пришло в голову, что вы могли бы воспользоваться электроникой для решения своей проблемы.

Отлично умея читать между строк, Ева подняла брови. Судя по всему, он предлагал залезть в компьютерное досье Бауэрс.

– Благодарю, но со своей проблемой я справлюсь сама. Мне нужна Пибоди, Макнаб, так что выметайся отсюда.

– Как прикажете. – Он бросил взгляд в сторону Пибоди и усмехнулся: – Поймаю тебя позже, красотка.

Пибоди сердито зашипела, а Макнаб, насмивывая, зашагал прочь.

– Тупица! – Пибоди поднялась из-за стола. – Мои рапорты в файле, лейтенант. Час назад поступило заключение медэкспертизы.

– Отправь все касающееся убийства доктору Мире. И попроси ее меня принять: мне необходима срочная консультация. – Ева протянула Пибоди диск. – Здесь перечень лучших хирургов города. Постарайся за пару часов избавиться от возни с бумагами: мы отправимся на место преступления.

– Да, сэр. Вы в порядке?

– У меня нет времени беспокоиться из-за идиотов!

Ева повернулась и направилась в свой кабинет. Там она обнаружила послание от компьютерщиков, извещающее, что ее компьютер работает нормально. Нахмурившись, Ева связалась с капитаном Фини из электронного отдела.

– Привет, Даллас! Послушай, что означает эта куча дерьма? Кто такая Бауэрс? Почему ты до сих пор ее не угробила?

Ева невольно улыбнулась. Трудно было найти кого-нибудь надежнее, чем Фини.

– Я не могу тратить на нее время. У меня на руках убитый бездомный с изъятым сердцем.

– С изъятым сердцем? – Ева представила, как лохматые рыжие брови Фини поползли вверх. – Почему я об этом не слышал?

– Наверно, тебе было не до того. Сплетни о склоках между копами куда интереснее, чем мертвый бомж. Но этот случай действительно любопытный.

Ева описала происшествие в нескольких кратких выражениях, к которым полицейские обычно прибегают в общении с коллегами. Фини внимательно слушал.

– Жизнь становится все более гнусной, – заметил он, когда она умолкла. – Что тебе нужно?

– Можешь побыстрее отыскать для меня похожие преступления?

– В городе, в стране, на Земле, на других планетах?

Ева улыбнулась:

– Сколько успеешь найти до конца смены.

Фини помолчал, потом ответил с усмешкой:

– Ты никогда не просишь о мелочах. Ладно, попробую.

– Спасибо. Я бы сама этим занялась, но боюсь, что не закончу до второго пришествия. Мой компьютер снова барахлит.

– Может, тебе стоит попробовать обращаться с ним поуважительнее?

– Это легче сказать, чем сделать, когда лучшее оборудование забирает ваш электронный отдел. Я буду здесь – если на что-нибудь наткнешься, свяжись со мной.

– Наткнусь, если есть на что наткаться. Пока. – Он отключил связь.

Ева изучила окончательное заключение Морриса, но не нашла в нем никаких сюрпризов и новых данных. «Итак, Снукса отправят в Висконсин, – подумала она. – К дочери, которую он не видел тридцать лет. Почему же все-таки он предпочел провести столько времени в одиночестве, отрезанным от семьи и от прошлого?»

В свое время она сама поступила так же, хотя у нее не было иного выбора. Так или иначе, ей это помогло стать тем, кем она являлась сейчас. Впрочем, то же самое – в каком-то безрадостном смысле – можно было сказать и о Снуксе...

Отгнав эти мысли, Ева двумя ударами кулака привела в действие компьютер, заставив его выдать перечень наркоторговцев, орудовавших в районе места преступления. При виде одного имени она едва заметно улыбнулась и откинулась на спинку стула.

Она считала, что старина Ледо еще в тюрьме, но оказалось, что его выпустили три месяца назад. Разыскать его и заставить говорить было не сложно – в случае необходимости всегда можно воспользоваться теми же методами, которые она использовала в борьбе с компьютером.

Но сначала – Мира. Собрав все необходимое для обоих интервью, Ева вышла из кабинета, заглянула по дороге к Пибоди и назначила ей встречу на стоянке через час.

* * *

Кабинет Миры заслуженно считался центром разрешения эмоциональных и душевных проблем, а также обследования и анализа преступных умов, но в нем всегда царила атмосфера покоя и элегантности. Ева никогда не могла понять, каким образом доктору Мире это удастся, ведь день за днем она имела дело с отбросами общества, но ухитрялась сохранять спокойствие и невозмутимость.

Ева считала ее единственной настоящей леди, которую она когда-либо знала.

Мира была элегантной немолодой женщиной с волосами цвета собольего меха, обычно собранными в пучок. Она предпочитала строгие костюмы неброских тонов, а из украшений носила только нитку жемчуга. Правда, сегодня на ней были также жемчужные серьги, идеально гармонирующие с костюмом цвета хвои. Как обычно, она кивнула Еве на одно из кресел и налила ей чаю.

– Как поживаете, Ева?

– Хорошо, спасибо.

Ева никогда не забывала о необходимости переключить скорость при встрече с Мирой: и она сама, и окружающая обстановка не позволяли брать быка за рога и сразу переходить к делу. Мелочи имели большое значение для Миры, а сама Мира очень много значила для Евы. Взяв чашку чая, Ева, сделала вид, что с удовольствием пробует напиток.

– Как прошел ваш отпуск?

Мира улыбнулась, довольная тем, что Ева помнит о ее отсутствии в течение нескольких дней.

– Чудесно. Ничто так не освежает тело и душу, как неделя на курорте с минеральными водами. Меня там холили и лелеяли. – Она засмеялась и отхлебнула чаю. – Вы бы не выдержали там ни минуты.

Мира закинула ногу на ногу, удерживая одной рукой чашку и блюдце с тем небрежным изяществом, которое свойственно некоторым женщинам от рождения и которое всегда заставляло Еву ощущать себя неуклюжей.

– Я слышала о ваших затруднениях с одной из полицейских. Сочувствую.

– Пустяки, – отозвалась Ева и вздохнула, понимая, что Миру не проведешь. – Признаться, меня это вывело из себя. Полицейский из этой Бауэрс никудышный, а у меня из-за нее теперь пятно на репутации.

– Я знаю, как много это для вас значит. – Мира наклонилась вперед и коснулась руки Евы. – Но вам следует знать, что чем выше продвигаешься по служебной лестнице и чем безупречнее твоя репутация, тем больше люди определенного типа будут стремиться ее опорочить. Однако на сей раз из этого ничего не выйдет. Я не могу вам многого сообщить, так как это врачебная тайна, но скажу, что у этой женщины репутация кляузницы и ее не принимают всерьез.

– Значит, вы ее тестировали? – воскликнула Ева.

Мира приподняла брови.

– Без комментариев. – Эти слова практически означали утвердительный ответ. – Я просто хочу, как друг и коллега, предложить вам мою поддержку. А теперь... – она откинулась на спинку стула и снова глотнула чаю, – ...перейдем к вашему делу.

Еве понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем идет речь, и она в который раз сказала себе, что личные дела нельзя смешивать с работой.

– Я не буду останавливаться на подробностях – полагаю, вы с ними уже ознакомились. Скажу только, что убийца, судя по всему, обладает большим опытом в лазерной хирургии и удалении органов.

– Да, я читала заключение доктора Морриса и согласна с ним. Тем не менее это не означает, что вы охотитесь за членом медицинского сообщества. – Мира подняла палец, прежде чем Ева успела возразить. – Он мог уйти на покой или, к примеру, спиться – с хирургами такое случается. Ясно, что этот человек сбился с пути, иначе он никогда не нарушил бы самую священную клятву и не отнял бы чужую жизнь. Так что неизвестно, есть ли у него диплом и практикует ли он сейчас.

– Но вы согласны, что когда-то он, безусловно, практиковал?

– Да, несомненно. Судя по вашим находкам на месте преступления и вскрытию, проведенному Моррисом, вы ищете человека, обладающего специфическим опытом, который требует многолетней подготовки и практики.

Ева задумчиво склонила голову набок.

– А что вы скажете о типе человека, который может хладнокровно убить кого-то ради изношенного и бесполезного органа, а потом спасти пациента на операционном столе?

– Я бы сказала, что это возможное проявление мании величия. «Комплекс бога» присущ многим врачам. Зачастую он необходим, так как, чтобы разрезать человеческое тело, требуется смелость и даже самоуверенность.

– Полагаю, что многие из тех, кто этим занимается, получают определенное удовольствие, – пробормотала Ева.

– Удовольствие? – Мира сделала паузу. – Возможно. Я знаю, что вы не жалуете врачей, но большинство из них имеет призвание, властную потребность исцелять. В любой профессии, требующей опыта, встречаются люди, которые... забывают о смирении. – Она улыбнулась. – Ведь и вас, например, делает отличным полицейским отнюдь не смирение, а внутренняя убежденность в своих способностях к этой работе.

– Верно, – кивнула Ева.

– Однако сострадание не позволяет вам забывать об истинной цели профессии. К сожалению, ваши и мои коллеги иногда утрачивают это чувство.

– С копами это случается, когда работа становится рутинной или когда им нравится демонстрировать свою власть, – заметила Ева. – А врачи ведь должны зарабатывать деньги.

– Деньги – это стимул, – согласилась Мира. – Врачу требуются годы, чтобы компенсировать средства, потраченные на обучение и стажировку. Однако компенсировать приходится не только материальные затраты. Самая быстрая компенсация – спасение человеческой жизни. Ну а обладание талантом и опытом в этой области позволяет кое-кому мнить себя сверхчеловеком. Как он может считать других равными себе, погружая руки в их тела и исцеляя их? – Она помолчала, задумчиво потягивая чай. – У людей такого типа часто возникает защитная реакция в виде эмоциональной отстраненности – под их скальпелем не человеческое существо, а всего лишь очередной пациент.

– С полицейскими происходит то же самое.

Мира посмотрела Еве прямо в глаза:

– Далеко не со всеми. Лучшие из полицейских на такое не способны, хотя это часто причиняет им неудобства. Думаю, в данном расследовании мы сразу можем обозначить несколько основных моментов. Человек, которого вы ищете, не питал к жертве личную ненависть и не был одержим страстью к насилию. Это хладнокровная, целеустремленная и организованная личность.

– Разве любой хирург не должен обладать этими качествами? – спросила Ева.

– Должен. Но этому человеку данные качества присущи в высшей степени. Кроме того, он чрезвычайно гордится своей работой – об этом свидетельствуют время и усилия, потраченные им на операцию. Изъятие и трансплантация органов не по моей части, но я знаю, что, когда жизнь донора не имеет значения, эта процедура не требует подобной тщательности – аккуратного разреза, зажима сосудов. Он без ума от своего таланта и, по-моему, не опасается последствий, так как просто не верит в их возможность. Он выше этого.

– То есть он не боится, что его поймают?

– Нет. Или же чувствует себя надежно защищенным даже в случае разоблачения. Я делаю вывод, что этот человек – является ли он активно практикующим хирургом или нет – удачлив во всем, поглощен поставленной целью и, очевидно, пользуется авторитетом в своем кругу. – Мира снова отхлебнула чаю и нахмурилась. – Мне следовало бы говорить не «он», а «они». Ведь, судя по вашему докладу, их было двое. Да и мне известно, что при такой процедуре обязательно требуется анестезиолог, опытный ассистент или второй хирург с некоторыми знаниями в области анестезиологии.

– Им незачем было заботиться о сохранении жизни пациента, но я думаю, он в любом случае выбрал бы в помощники только первоклассного специалиста и человека, которому мог бы доверять.

Или которого мог бы контролировать. Кого-то, столь же преданного их цели.

Ева поднесла чашку ко рту и невольно поморщилась, вспомнив, что это не кофе.

– И что же это, по-вашему, за цель?

– Я могу представить себе только два мотива изъятия сердца. Один – прибыль, но это выглядит весьма сомнительным, учитывая оценку Моррисом состояния здоровья жертвы. Второй – эксперимент.

– Какого рода эксперимент?

Мира развела руками:

– Не знаю, но говорю вам как врач: эта возможность меня пугает. В истории человечества бывали такие периоды, когда проводились эксперименты на мертвых и умирающих: Вторая мировая война, например. Тогда подобное объясняли тем, что это расширит знания и поможет спасти другие жизни. Но никакого оправдания этому не существует. – Она отодвинула чашку. – Молю бога, Ева, чтобы это оказалось единичным случаем. Иначе вы будете иметь дело с чем-то куда более опасным, чем убийство, – с миссией, замаскированной под благо.

– Пожертвовать немногими, чтобы спасти многих? – Ева покачала головой. – Я знаю, такое бывало раньше, но всегда оканчивалось трагедией.

– Да. – В спокойных глазах Миры мелькнуло нечто похожее на страх и сострадание. – Однако далеко не сразу...

5

Большинство людей – рабы своих привычек. Ева не сомневалась, что второсортный наркотореклер, с которым она собиралась поговорить, не был исключением из правила. Если она правильно помнила, Ледо любил проводить свои никчемные дни, обирая простаков за бильярдом в гнусном местечке, называемом Геймтаун. Ева не думала, что несколько лет в тюрьме научили его развлекаться по-иному.

Дома и улицы в этом районе городских трущоб были грязными. После нападения на отряд «зеленых», которым переломали кости и сожгли их грузовик, все экологические организации вычеркнули этот четырехквартальный участок из своих списков. Среди муниципальных служащих не было ни одного, кто рискнул бы посетить район, именуемый Сквером, без парализатора и боевого снаряжения. Впрочем, это было оговорено в их контрактах.

Ева надела под куртку пуленепробиваемый жилет и велела Пибоди сделать то же самое. Хотя это вряд ли помешало бы перерезать им горло, если бы местным обитателям захотелось это сделать.

– Установи парализатор на обширный диапазон, – приказала Ева. Пибоди вздохнула, но промолчала.

Проверка религиозных сект, которые могли быть связаны с расследуемым ими убийством, ничего не дала, и Пибоди чувствовала облегчение. Она уже однажды имела дело с преступлениями подобного рода и была бы счастлива, если бы этот опыт не повторился никогда.

Однако, оказавшись в Сквере, Пибоди подумала, что предпочла бы иметь дело с кровавыми сатанистами, чем с обитателями этого района.

Улицы были не то что пустыми, но тихими. Активность здесь начиналась с наступлением темноты. Те немногие, кто стоял у подъездов или бродил по тротуарам, держались настороженно и не вынимали руки из карманов, готовясь в любой момент пустить в ход оружие.

Остановив машину, Ева увидела посреди квартала опрокинутое такси с разбитыми окнами, снятыми крышками и намалеванными на корпусе сексуальными предложениями.

– Водитель, должно быть, чокнутый, если согласился везти сюда пассажира, – пробормотала Ева.

– Как тогда назвать нас? – осведомилась Пибоди.

– Крутыми копами! – усмехнулась Ева, отметив, что, хотя граффити выглядели свежими, нигде не было следов крови.

Увидев двух патрульных, совершавших объезд в черно-белой бронемашине при полном боевом снаряжении, она остановила их и показала в окошко свой жетон.

– Водитель спасся?

– Мы были поблизости и рассеяли толпу. – Патрульный на пассажирском сиденье улыбнулся. – Мы спасли водителя и доставили его к границе сектора.

– Зато такси спасти не удалось, – заметила Ева. – Если вы обслуживаете этот район, то, вероятно, знаете Ледо?

– Да, сэр, – кивнул патрульный. – Он был осужден за производство и распространение наркотиков, но сейчас полностью реабилитирован.

– Да, верно. Теперь он столп общества. Ледо все еще околачивается в Геймтауне?

– Это его излюбленное место.

– Я оставляю здесь мою машину и хочу получить ее в целостности и сохранности, когда вернусь.

Включив сигнализацию и защитные приспособления, Ева вышла из машины и огляделась. Ее внимание привлек долговязый парень, который потягивал пиво из банки, прислонившись к исцарапанной стальной стене, исписанной теми же предложениями на сексуальную

тему, которые украшали перевернутое такси. Тексты были безграмотными, но рисунки выглядели недурно.

Покуда Пибоди пыталась унять сердцебиение, Ева подошла к парню и посмотрела ему в глаза.

– Видишь эту машину?

Его рот скривился в усмешке.

– Похоже на тачку полицейской суки.

– Верно. – Она схватила его за свободную руку и вывернула ее, прежде чем он успел дотянуться до кармана. – Так вот, если эта полицейская сука вернется и увидит, что машина не в порядке, она запихнет твои яйца тебе в пасть, чтобы ты ими подавился. Понятно?

Парень больше не усмехался. Краска прилила к его щекам, в глазах блеснула злость, но он молча кивнул.

– Отлично. – Ева отпустила его, шагнула назад, потом повернулась и отошла не оглядываясь.

– Господи, Даллас, зачем вы это сделали?

– Чтобы он присматривал за нашей машиной, когда мы уйдем. Такие не любят связываться с копами – как правило, – со злой усмешкой добавила Ева, когда они начали спускаться в бывшее метро по грязным металлическим ступенькам.

– Это шутка? Ха-ха! – Пальцы Пибоди стиснули рукоятку оружия.

– Следи, что делается сзади, – негромко предупредила Ева, когда они нырнули в мрачный, тускло освещенный мир нью-йоркской подземки.

Этой линией давно уже не пользовались, и она практически была отдана на откуп местным жителям. «Грязь должна где-то плодиться», – думала Ева. Лишенный свежего воздуха и дневного света мир незарегистрированных проституток и законченных наркоманов служил идеальной почвой для этого.

Каждые несколько лет мэрия поднимала шум по поводу очистки подземки, а на телевидении начинались оживленные дебаты. Иногда полиция устраивала рейды, арестовывая нескольких бродяг и закрывая на пару дней самые низкопробные притоны. В ранние годы службы в полиции Ева участвовала в одном из таких рейдов, навсегда запомнив тошнотворное чувство страха, блеск ножей в темноте, истошные вопли и вонь самодельного курева.

Тогда ее инструктором был Фини, который вел ее через этот кошмар, как она сейчас вела Пибоди.

Ева быстро шагала вперед, внимательно глядя по сторонам. Из-за закрытых дверей клубов доносились резкие скрежещущие звуки музыки. Туннели давно не отапливались – изо рта вырывались белые облачка пара, исчезающие в желтоватом свете.

Потрепанная шляха в рваном бушлате завершала финансовый расчет со столь же потрепанным клиентом. Заметив Еву и Пибоди в униформе, оба поспешно скрылись.

Кто-то развел костер в узком проходе. Вокруг него толпились люди, обменивая деньги на пакетики наркотиков. Когда Ева подошла к проходу, все застыли, но она не стала задерживаться. Конечно, можно было попытаться разогнать их, вызвав подкрепление и рискуя при этом поломать себе несколько ребер, но Ева давно научилась понимать, что не все на этом свете можно изменить к лучшему.

Она остановилась в туннеле, глядя на мерцающие красные и синие огни Геймтауна. Они выглядели отнюдь не весело, а скорее уныло и безнадежно, как те убогие проститутки, которые попадались им по пути.

Эти огни неожиданно напомнили ей красный свет, пульсирующий за стеклами грязной комнаты, которую она делила с отцом. А потом он изнасиловал ее в последний раз – и она убила его, покончив с этим раз и навсегда. «Та жалкая избитая девчонка осталась в прошлом, –

сказала себе Ева. – Я не помню ее!» Очевидно, последние слова она произнесла вслух, потому что Пибоди удивленно уставилась на нее, испуганная ее отсутствующим взглядом.

– Кого, Даллас? – спросила она. – Вы кого-то увидели?

– Проехали! – Ева тряхнула головой, сердясь на себя. Эти воспоминания приходили снова и снова, принося с собой страх и чувство вины. – Мы войдем туда вместе, – продолжала она. – Держись рядом со мной и следи за моими движениями. Если дела пойдут скверно, забудь о правилах и играй круто.

– Обо мне можете не беспокоиться. – Судорожно глотнув, Пибоди подошла к двери и шагнула через порог плечом к плечу с Евой.

Игральные автоматы извергали выстрелы, вопли, стоны и смех. Из двух голографических полей функционировало лишь одно, на котором костлявый парень с пустыми глазами сражался то с римским гладиатором, то с террористом из «Звездных войн», то с еще каким-нибудь злодеем. Для любителей некомпьютерных развлечений был устроен обнесенный канатами ринг, где две женщины с огромными искусственными грудями, лоснящимися от масла, пыхтя, боролись под восторженные крики толпы. Экраны на стенах транслировали разные спортивные мероприятия; присутствующие делали ставки и просаживали деньги, размахивая кулаками.

Не обращая ни на кого внимания, Ева прошла мимо застекленных кабинок, где клиенты испытывали судьбу, играя в одиночестве, мимо бара, где посетители коротали время за выпивкой, в соседнее помещение, в котором негромкая и мрачная музыка сопровождала другие игры.

Дюжина бильярдных столов выстроилась в ряд, как гробы; когда шары попадали в лузу или ударялись друг о друга, сбоку вспыхивали огоньки. Половина столов пустовала, но возле остальных делались крупные ставки.

Негр с блестящей лысиной и вытатуированной на ней свернувшейся змеей играл с толстой женщиной, все одеяние которой состояло из пары зеленых полос на груди и бедрах; к нижней полосе был привязан тонкий стилет. За задним столом Ева увидела Ледо, играющего с тремя мужчинами. По его самодовольной улыбке и мрачным физиономиям остальных можно было безошибочно определить, кто выигрывает.

Проходя мимо полуобнаженной женщины, Ева заметила, как та коснулась своего кинжала – машинально или предупреждая татуированного партнера. Тот пробормотал что-то о «легавых сучках», но она проигнорировала это замечание, боясь спугнуть Ледо. Ей не хотелось разыскивать его снова.

По мере того как Ева переходила от стола к столу, разговоры прекращались, сменяясь злобными и тревожными взглядами. Таким же привычным жестом, как у женщины за столом, Ева расстегнула куртку, стиснув пальцами рукоятку оружия.

Ледо склонился над столом, направив изготовленный по заказу кий с серебряным кончиком в сторону шара. Ева невольно взглянула на лампочку, зная, что, если ему удастся поразить цель, она замигает.

Сейчас Ледо не был ни пьяным, ни накурившимся. Во время игры он не пользовался собственным товаром. Его костлявое тело напряглось, соломенного цвета волосы свисали на молочно-белое лицо, на котором выделялись шоколадные глаза с розоватыми белками. Практически ему оставалось лишь несколько шагов, чтобы стать таким же наркоманом, как те, кого он обслуживал. Его удерживало лишь то, что в таком случае зрение потеряет остроту и с бильярдом придется распрощаться.

Ева позволила Ледо нанести удар. Его руки слегка подрагивали, но он компенсировал это весом кия. Шар покатился через стол и упал в лузу.

Ледо хватило ума не слишком демонстрировать свое торжество, хотя, когда он выпрямился, его лицо расплылось в улыбке. Потом его взгляд устремился на Еву. Он не сразу узнал ее, но тут же угадал в ней копа.

- Эй, Ледо, нам нужно поговорить.
- Я ничего не сделал. Просто играю.
- Похоже, пришло время для перерыва.

Ева шагнула вперед и чуть не наткнулась на гору мускулов, внезапно преградившую ей путь. У этой горы была медного цвета кожа и грудь шириной со штат Юта. Когда Ева перевела взгляд с груди на лицо, по ее спине забегали мурашки. В обеих бровях громилы болтались золотые обручи, а во рту поблескивали серебряные, остро заточенные зубы. Ростом он был на целый фут выше Евы, а весил, вероятно, на добрую сотню фунтов больше.

«Господи, да он просто великолепен!» – подумала Ева и улыбнулась.

– Уйдите с дороги, – почти вежливо попросила она.

– У нас здесь игра. – Его голос походил на гром над каньоном. – Я проиграл этому засранцу пять сотен и не успокоюсь, пока не получу шанс отыгаться.

– Как только я поболтаю с «этим засранцем», вы сможете продолжить игру.

Ева больше не беспокоилась, что Ледо улизнет: два других игрока стояли по бокам и держали его за руки. Но гора мяса, которая маячила перед ней, угрожающе приблизилась; снова сверкнули серебряные клыки.

– Нам тут копы не нужны. Мы ими закусываем!

– Ну, в таком случае... – Ева сделала шаг назад, с быстротой молнии схватила кий Ледо, с силой ткнула серебряным кончиком в бронзовое брюхо и, не давая противнику опомниться, нанесла другим концом удар по голове.

Послышался треск ломающегося дерева. Громила тряхнул головой и с налитыми кровью глазами бросился на Еву, но, получив удар коленом в пах, согнулся и рухнул на пол. Его лицо из бронзового стало землисто-серым.

Ева окинула взглядом комнату:

– Ну, кто еще хочет закусить копом?

– Вы сломали мой кий!

Чуть не плача, Ледо схватил любимую игрушку. Кий дернулся кверху и ударил Еву по скуле. В глазах у нее замелькали звезды, рука легла на кобуру, но в этот момент раздался чей-то властный голос:

– Довольно!

Вошедший мужчина резко отличался от остальных присутствующих. Грязь, покрывавшая все вокруг, казалось, миновала его. Он был строен, подтянут и элегантно одет.

Удерживая одной рукой Ледо, Ева повернулась и продемонстрировала жетон.

– В данный момент, – спокойно сказала она, – у меня нет проблем с вами. Хотите, чтобы ситуация изменилась?

– Все нет... лейтенант. – Мужчина скользнул голубыми глазами по жетону и лицу Евы, потом устремил их на стоящую рядом Пибоди. – Боюсь, что нью-йоркская элита редко посещает это место. Мои клиенты были застигнуты врасплох. – Он перевел взгляд на громилу, стонавшего на полу, и добавил: – Во многих отношениях. Меня зовут Кармайн, и это заведение принадлежит мне. Чем могу служить?

– Ничем, Кармайн. Я просто хочу поболтать с одним из ваших... клиентов.

– Наверное, вам лучше поговорить в каком-нибудь спокойном месте. Что, если я провожу вас в отдельную комнату?

– Очень любезно с вашей стороны, Кармайн. – Ева взяла у Ледо кий и передала его Пибоди. – Ледо, моя помощница будет идти за тобой. Если вздумаешь отстать, она может споткнуться, и твоя драгоценная палка ткнется тебе прямо в задницу.

– Я ничего не сделал, – плаксивым тоном заявил Ледо, но покорно двинулся за Евой. Кармайн откинул какую-то занавеску, прошел по коридору вдоль длинного ряда дверей и открыл одну из них.

– Могу я еще чем-нибудь помочь, лейтенант?

– Буду вам очень обязана, если вы успокоите ваших клиентов, Кармайн. Никому из нас не нужно, чтобы нью-йоркская полиция устроила здесь облаву.

Он молча кивнул и удалился. Ева втокнула в комнату хнычущего Ледо и сказала Пибоди:

– Оставайся здесь. В случае надобности без колебаний используй оружие.

– Да, сэр. – Держа в одной руке кий, Пибоди опустила другую на рукоятку парализатора и встала у двери спиной к стене.

Ева шагнула в комнату, закрыв за собой дверь. Помещение с узкой койкой, грязным видеоэкраном и скользким полом не блистало удобствами, но по крайней мере было изолированным.

– Ну, Ледо. – Ева потрогала ушиб на скуле – не столько потому, что он болел, сколько чтобы внушить собеседнику страх перед наказанием. – Давненько мы с тобой не виделись.

– Я чист! – быстро отозвался Ледо.

– Не принимай меня за дуру, – усмехнулась Ева. – Ты не был бы чистым, даже проведя шесть дней в дезинфекционной камере. Знаешь, что это такое? – Она постучала пальцем по ушибленной скуле. – Нападение на полицейского офицера дает мне право обыскать тебя прямо сейчас, потом притащить твою тощую задницу в Центральный участок для допроса и получить ордер на обыск твоей лачуги.

– Что вы, Даллас! – Ледо поднял обе руки. – Это был несчастный случай.

– Может, я с этим и соглашусь, Ледо. Если ты убедишь меня, что готов сотрудничать.

– Всегда готов, Даллас! Что желаете? «Джаз»? «Экстази»? Курево? – Он начал рыться в карманах. – Для вас ничего не жалко. Правда, при себе у меня ничего нет, но я принесу.

Глаза Евы сузились и превратились в две щелочки.

– А ты, оказывается, еще глупее, чем я считала, Ледо. Хотя я никогда не думала, что твой мозг крупнее грецкого ореха.

Физиономия Ледо вытянулась. Он попытался усмехнуться и вынул руки из карманов.

– Вы сами сказали, Даллас, что мы давно не виделись. Возможно, я подзабыл, как с вами иметь дело. Я не хотел вас обидеть.

Ева молча смотрела на Ледо, пока у него на лбу не выступила испарина. «Нужно проследить, чтобы он снова отправился в тюрьму при первой возможности», – подумала она. Но сейчас у нее на крючке была более крупная рыба.

Ледо наконец не выдержал напряжения молчания:

– Вы... вам нужна информация? Я никогда не был стукачом у копов, но могу ее продать.

– Продать? – холодно переспросила Ева.

– Сообщить. – Его убогий мозг все-таки начал функционировать. – Вы спрашиваете – я отвечаю. Как насчет этого?

– Меня интересует Снукс.

– Старик с цветами? – Ледо пожал тощими плечами. – Я слышал, его вскрыли, как консервную банку, и кое-что вытащили. Но я такими вещами не занимаюсь.

– Однако ты имел с ним дело?

– У нас иногда бывали сделки, – уклончиво ответил Ледо.

– Как он расплачивался? Откуда у него были деньги?

– Попрошайничал или продавал свои цветы. Когда ему что-то было нужно, он обычно мог расплатиться.

– Он когда-нибудь обманывал тебя или других торговцев?

– Нет. Бомзам мы ничего в кредит не даем – им нельзя доверять. Но со Снуксом все было о'кей. Никогда не слышал, чтобы он кого-то надул. Снукс был хорошим клиентом – просто держался сам по себе.

– Ты регулярно торгуешь в том районе, где он ночевал?

– Приходится зарабатывать на жизнь, Даллас. – Ева снова пригвоздила его взглядом, и он сразу понял свою ошибку. – Да, это в основном мой участок. Еще пара других иногда там орудует, но мы друг другу не мешаем. У нас свободное предпринимательство.

– А ты не встречал кого-нибудь постороннего, который расспрашивал о Снуксе?

– Вроде того пижона?

Кровь застучала в висках у Евы, но она лишь небрежно прислонилась к стене.

– Какого пижона?

– Как-то ночью приходил один расфуфыренный тип. – Успокоившись, Ледо присел на узкую койку и закинул ногу на ногу. – Он разыскал меня. Сначала я подумал, что он шляется по трущобам, так как не хочет покупать наркоту в своем районе. Но он искал не наркотики.

– А что?

– Очевидно, Снукса. Пижон описал, как он выглядит, хотя мне это ничего не сказало, так как все эти типы похожи друг на друга. Но потом он добавил, что этот делает цветы, и я понял, что речь идет о Снуксе.

– И ты сказал ему, где ночует Снукс?

– Да, а что такого? – Ледо улыбнулся, но улыбка быстро увяла: судя по всему, его мозг приступил к тяжкому процессу умозаключений. – Значит, этот пижон выпотрошил Снукса? Но зачем? Слушайте, Даллас, я тут чист как стеклышко. Пижон спросил, где ночует бомж, и я ответил. Почему бы и нет? Я ведь не знал, что он замышляет убийство. – Ледо вскочил с койки; пот снова выступил у него на лбу. – Вы не можете пришить это мне! Я просто поговорил с тем ублюдком...

– Как он выглядел?

– Не помню. Пижон и есть пижон. – Ледо развел руками. – Весь лоцный.

– Возраст, раса, рост, вес? – допытывалась Ева.

– Не знаю! – Дернув себя за волосы, Ледо начал ходить взад-вперед. – Я не обратил внимания. Это было две или три ночи тому назад. – Он с надеждой взглянул на Еву, но та молча наблюдала за ним. – Думаю, он был белый: черномазого я бы запомнил. А так я в основном смотрел на его пальто. Оно было черное, длинное и на вид теплое и мягкое.

– Вспомни хотя бы, какого он роста. Когда ты говорил с ним, то смотрел вверх, вниз или прямо перед собой?

– Вверх! – Ледо просиял, как школьник, правильно ответивший на экзамене. – Да, он был высоким парнем. Лица я не разглядел – было темно, а мы стояли в тени. На нем была шляпа, а пальто застегнуто на все пуговицы. Было холодно, как в утробе у мертвой шлюхи.

– Ты никогда не видел его раньше или потом?

– Нет, только один раз. – Ледо провел по губам тыльной стороной ладони. – Я ничего плохого не сделал!

– Тебе следовало вытатуировать эти слова на лбу, Ледо, тогда бы ты не повторял их каждые пять минут. Пока это все, но, если ты снова понадобишься, я надеюсь, мне не придется долго тебя разыскивать. Это выведет меня из себя.

– Я никуда не денусь. – От облегчения у него на глазах выступили слезы. – Все знают, как меня найти.

Ледо метнулся к двери, но застыл как вкопанный, когда Ева положила ему руку на плечо.

– Если ты снова увидишь этого пижона или кого-нибудь похожего на него, сразу сообщи мне. Не говори ему ничего, что могло бы его спугнуть, а просто позвони мне. – Ева продемонстрировала зубы в улыбке, от которой у него закрутило в кишках. – Как меня найти, тоже все знают.

Ледо открыл было рот, но потом решил, что холодный взгляд Евы не располагает к попыткам требовать плату за информацию. Он трижды кивнул и выбежал в дверь, которую распахнула Ева.

* * *

Мышцы Пибоди были напряжены до тех пор, пока они не вернулись в свою машину и не проехали три квартала на восток.

– Это было забавно, – заметила она. – В следующий раз давай найдем место, где водятся акулы, и поплаваем.

– Ты справилась, Пибоди.

В устах Евы это был лучший из комплиментов, и Пибоди с облегчением улыбнулась.

– Признаться, я дрожала с головы до ног.

– Это потому, что ты хорошо соображаешь. В противном случае я не взяла бы тебя с собой. Ладно, теперь мы знаем, что им был нужен именно Снукс. Не просто любой бродяжка или любое сердце, а именно он и его сердце. Что же в нем было особенного? Ну-ка прочитай мне снова все данные о нем.

Выслушав еще раз всю биографию жертвы со дня рождения, Ева покачала головой:

– Тут должно что-то быть. Не могли же они просто вытащить его фамилию из шляпы! Может быть, это семейное дело? – Она помолчала, обдумывая это предположение. – Кто-то из его детей или внуков, к примеру, не простил ему того, что он бросил их. Сердце может оказаться символом...

– Ты разбил мое сердце, и я заберу твое?

– Что-то в этом роде. – Семейные отношения с их любовью и ненавистью, принимающими иной раз самые уродливые формы, всегда смущали и озадачивали Еву. – Нужно побольше разузнать о его семье – хотя бы для того, чтобы исключить эту версию.

Они снова отправились на место преступления. Полицейские датчики все еще обеспечивали контроль, и Ева надеялась, что здешним обитателям не хватило знаний и опыта, чтобы обойти их и пошарить в жилище Снукса. На углу она заметила двух торговцев, ежившихся в облаках пара, которые поднимались из канализационной решетки. Бизнес явно не процветал. Парочка нищих слонялась туда-сюда. На другой стороне улицы несколько бездомных толпились у костра, от которого исходило больше вони, чем тепла.

– Поговори с торговцами, – приказала Ева Пибоди. – Они замечают больше других. Возможно, нам повезет. А я хочу еще раз взглянуть на его жилище.

– Пожалуй, они будут словоохотливее, если я куплю сосиску.

Ева подняла брови, выходя из машины.

– Ты, должно быть, дошла до отчаяния, если рискуешь есть что-то купленное в этом районе.

– До полного отчаяния, – кивнула Пибоди и, расправив плечи, решительно зашагала к решетке.

Пока Ева раскодировала датчики, она ощущала на себе взгляды обитателей здешних улиц. Ее спину обжигали взгляды, полные подозрительности, неприязни, растерянности. Она словно чувствовала, как отчаяние и надежда этих людей заползают ей под кожу, и изо всех сил старалась не думать об этом.

Отодвинув убогое одеяло, Ева нырнула внутрь, вдыхая запахи нищеты и смерти.

«Кто же ты был, Снукс?»

Она подобрала букетик бумажных цветов, покрытый тонким слоем порошка, который оставила следственная группа. Им пришлось брать на анализ каждый волосок и кусочек ткани, учитывать все флюиды, которые источает мертвое тело, просеивать всю грязь. Это потребовало

много времени, но Ева сомневалась, что их находки помогут ей найти ответы на вопросы, в которых она нуждалась.

– Ты был осторожен и аккуратен, – пробормотала она, словно обращаясь к убийце. – Ты не оставил никаких следов. Или думал, что не оставил.

И жертва, и убийца всегда оставляют за собой какой-то след – или просто эхо. Ева научилась видеть и слышать все это.

Итак, убийцы прибыли сюда зимней ночью в роскошном автомобиле, хорошо и тепло одетые. Они не подкрадывались тайком и не пытались маскироваться, не спешили и не суетились. Что это было? Дерзость? Самоуверенность? Должно быть, они ощутили отвращение, отодвинув занавеску и почувствовав зловонный запах. Но медики привычны к неприятным запахам.

Эксперты обнаружили, что на обоих были хирургические маски и перчатки. Почему они их надели? Для защиты, из осторожности или просто по привычке? Они воспользовались антисептиками, стерилизовали инструменты... Но ведь это бессмысленно, поскольку им было абсолютно все равно, пострадает ли пациент от инфекции!

Ева тяжело вздохнула и огляделась. Им было нужно освещение, более яркое, чем колеблющийся свет огарка свечи или фонарика на батарейках, которые находились на одной из покосившихся полок Снукса. Очевидно, в саквояже врача вместе с лазерным скальпелем и другими инструментами лежала мощная лампа. Интересно, проснулся ли Снукс, когда вспыхнул свет? Хватило ли ему времени подумать, удивиться, испугаться, прежде чем укол лишил его сознания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.